

## Путешествие по России

До сих пор никому не приходило в голову считать Россию самой свободной из европейских держав, однако гнет, тяготеющий по вине французского императора над всеми странами нашего континента так силен, что, оказавшись в стране, над которой Наполеон не властен, чувствуешь себя, словно в республике<sup>638</sup>. Я пересекла границу России 14 июля, в день, когда началась Французская революция, и это совпадение поразило меня<sup>639</sup>; отрезок истории Франции, начавшийся 14 июля 1789 года, завершился для меня в этот день, и когда шлагбаум, отделяющий Австрию от России, поднялся, чтобы дать мне дорогу, я поклялась, что никогда более нога моя не ступит на землю страны, повинующейся хоть в чем-либо императору Наполеону. Смогу ли я когда-нибудь увидеть прекрасную Францию, не нарушив эту клятву?

Первым человеком, с которым я имела дело в России, оказался француз, некогда служивший под началом моего отца; он заговорил со мною о батюшке со слезами на глазах, и звук этого имени, произнесенного с таким благоговением, показался мне добрым знаком.<sup>640</sup> И в самом деле, за все время пребывания в Российской империи, которую столь несправедливо почитают варварской, я испытывала чувства исключительно возвышенные и сладостные: да поможет моя признательность русскому народу и его государю удостоиться еще больших милостей Господних! Страны, откуда я выехала, слыли мирными, на деле же правительства их поставляли солдат Наполеону, и путешественник там не мог ступить ни шагу, не предъявляя паспорта и не подвергаясь полицейским преследованиям.

В ту пору, когда я добралась до России, французская армия уже значительно продвинулась в глубь русской земли, а между тем иностранные путешественники, оказавшиеся здесь, не испытывали никаких гонений, не встречали никаких препон. Ни я, ни мои спутники не знали ни слова по-русски; мы говорили только на французском — языке врага, опустошающего Российскую империю; больше того, по несчастной случайности я не имела при себе ни одного слуги, говорящего по-русски, и, если бы не немецкий врач (доктор Реннер), великодушно согласившийся служить нам переводчиком до самой Москвы, мы в самом деле оказались бы достойны прозвания «глухонемых», какое русские дают иностранцам, не знающим их родного языка.<sup>641</sup> Так вот, даже несмотря на все это, путешествие наше по России совершилось без малейшего затруднения и в полной безопасности — ибо гостеприимство русских помещиков и русских крестьян поистине безгранично. С самого начала мы узнали, что прямая дорога на Петербург уже занята войсками<sup>642</sup> и что добраться туда можно только через Москву. Это означало, что нам придется проехать лишние две сотни миль, однако мы уже оставили полторы тысячи; что же до Москвы то теперь счастлива, что смогла ее увидеть.

Первая губерния, через которую пролегал наш путь, Вольнь, прежде входила в состав Польши<sup>643</sup>; это край плодородный, населенный, подобно Галиции, великим множеством евреев, но вовсе не такой нищий. Я остановилась в замке одного польского помещика, к которому направили меня друзья; он посоветовал мне не мешкать: французы, сказал он, движутся в сторону Вольни и могут оказаться здесь не позже чем через неделю. Поляки в большинстве своем относятся к русским лучше, нежели к австрийцам. Русские и поляки принадлежат к числу славянских народов; они воевали меж собой, но уважают друг друга; немцы же, гордясь тем, что они глубже славян проникнуты европейской цивилизацией, не умеют отдать славянским народам справедливость в других отношениях. Было очевидно, что поляки, проживающие на Вольни, не боятся прихода французов, однако, даже зная их чувства, русские не стали подвергать их мелочным гонениям, которые вместо того, чтобы обуздать ненависть, лишь сильнее ее разжигают. Зрелище одной нации, вынужденной покориться другой, всегда действует удручающе; потребно несколько столетий для того, чтобы победители и побежденные слились воедино и позабыли о прежних расприх.

В Житомире, главном городе Вольнской губернии, мне рассказали, что русский министр полиции послан в Вильну, дабы выяснить причины нападения императора Наполеона на Россию и заявить официальный протест против вторжения французских войск на русскую землю.<sup>644</sup> В самом деле, император Александр шел ради сохранения мира на жертвы поистине неисчислимые. Если он и заслужил упреки, то скорее в чересчур буквальном следовании роковым Тильзитским соглашениям, первым их нарушил Наполеон, и Александр имел куда больше оснований сам объявить ему войну. Ведь в то время, когда Россия не давала английским кораблям доступа в свои порты, император Наполеон позволял им ввозить во Францию колониальные товары; Пожалуй, можно было бы сказать, не погрешив против истины, что Франция и вся Европа напали на Россию ради того, чтобы торговый Дом Бонапарт и К<sup>о</sup> получил исключительные права на продажу английских товаров; прекрасный повод лишить покоя все народы континента.<sup>645</sup> В разговоре с г-ном Балашовым император Наполеон пустился в непостижимые откровенности, в которых мы могли бы увидеть бедствие простодушия, если бы не знали, что для вящего устрашения Император любит показывать, будто он выше любых расчетов. «Неужели вы думаете, — спросил он г-на Балашова, — что мне есть дело до якобинцев-поляков». В самом деле, несколько лет назад г-н де Шампаньи письменно известил канцлера Румянцева о том, что Наполеон предлагает вычеркнуть из всех европейских трактатов слова «Польша»

и «поляки»<sup>646</sup>. Какое несчастье для поляков, что Александр не принял титула польского короля и не позволил великодушным существам сочувствовать интересам этой нации.<sup>647</sup> Император в присутствии министра полиции г-на Балашова осведомился у г-на де Коленкура<sup>648</sup> бывал ли тот в Москве и что представляет собой этот город. Коленкур отвечал, что Москва показалась ему похожей скорее на большую деревню, нежели на столицу. «А сколько в ней церквей?» — продолжал свои расспросы Наполеон «Около тысячи шестисот»<sup>649</sup> — отвечал г-н де Коленкур. «Непостижимо, — изумился Наполеон, — разве в наши дни кто-то верит в Бога» — «Да, Ваше Величество, — подтвердил г-н Балашов — в него верят русские и испанцы». Прекрасный ответ, вселявший надежду, что москвичи станут кастильцами Севера.<sup>650</sup>

Между тем французская армия стремительно продвигалась к центру России, и поскольку французы, вовсе не умеющие сопротивляться тирании в своем отечестве, за его пределами обычно одерживают победу за победой, я имела основания опасаться, что столкнусь с ними перед въездом в Москву. Что за странная судьба бежать от французов, среди которых я родилась, которые воздавали почести моему отцу и добаться, спасаясь от них до границ Азии! Впрочем, какую судьбу в великом ли, в малом ли, не способен круто изменить человек, чье призвание — унижать себе подобных! Я была близка к мысли что мне придется отправиться в Одессу, город, расцветший под просвещенной властью герцога де Ришелье<sup>651</sup>, а оттуда отплыть в Константинополь и Грецию, я утешала себя мыслями о поэме, посвященной Ричарду Львиное Сердце, которую принялась бы сочинять в этом долгом путешествии, даруй мне Господь довольно сил.<sup>652</sup> В поэме этой я намеревалась изобразить нравы и природу Востока и увековечить великую эпоху английской истории, когда источником воодушевления вместо крестовых походов сделалась свобода. Однако выразить можно лишь то, что ощутил, а нарисовать — лишь то, что увидел, поэтому мне следовало отправиться по следам Ричарда в Константинополь в Сирию и на Сицилию. Спутники мои более справедливо оценивая мои силы отсоветовали мне пускаться в это странствие и уверили, что если я не стану медлить, то доберусь до Москвы на почтовых лошадях быстрее чем французская армия. Впрочем как станет ясно впоследствии опередила я ее совсем ненамного.

Итак решившись продолжать свой путь по российским землям, я въехала на землю Украины столица которой именуется Киевом.<sup>653</sup> Некогда этот город был столицей всей России, поначалу центр Российской империи располагался на юге. В ту пору русские поддерживали постоянные сношения с константинопольскими греками и со всеми народами Востока, у которых переняли они многие обычаи. Украина — край весьма плодородный но вовсе лишенный приятности, вокруг вас простираются бескрайние хлебные поля, возделываемые, кажется, невидимыми руками, настолько редки здесь деревни и деревенские жители. Не следует думать, что окрестности Киева или любого другого поселения из числа тех, какие именуются городами в России, хоть чем-то похожи на предместья западных городов, дороги здесь ничуть не более гладки, деревенские дома вовсе не предвещают наличия поблизости большого скопления народа. При въезде в Киев взор мой прежде всего поразило кладбище, это обиталище мертвых подсказало мне, что поблизости обитают живые. Дома в Киеве по большей части подобны палаткам, так что издали город имеет вид военного лагеря, тотчас приходит на мысль, что эти деревянные дома, впрочем, должно быть, не слишком прочные, выстроены по образцу жилищ кочевников-татар. На постройку таких домов много времени не требуется, частые пожары уничтожают их, после чего владельцы посылают слуг в лес за новым домом, как в других краях посылают на рынок за провизией на зиму. Впрочем, среди этих хижин возвышаются дворцы, а главное, церкви, чьи купола, зеленые с позолотой, приковывают к себе взор. Когда вечером солнечные лучи освещают эти блестящие своды кажется, будто видишь не долговечное здание, но праздничную иллюминацию.

Русские не минуют ни одной церкви, не осенив себя крестным знаменем<sup>654</sup>, а длинные бороды придают их лицам выражение еще более благочестивое. Носят они в большинстве своем длинное синее платье, перепоюсанное красным кушаком. В нарядах женщин тоже есть нечто азиатское, в них заметно пристрастие к ярким цветам, характерное для жарких краев, жители которых охотно любят сверканием блестящих предметов в ослепительных лучах солнца. Я тотчас полюбила эти восточные одеяния так сильно, что огорчалась, видя русских в европейском платье, я опасалась, что они вот-вот покорятся деспотической власти Наполеона, по милости которого все народы наслаждаются одними и теми же благодеяниями: вначале им преподносят всеобщую воинскую повинность, затем военные налоги, а под конец кодекс Наполеона, позволяющий навязать самым разным нациям одинаковый порядок.

Киев стоит на реке Днепр, которую древние именовали Борисфеном<sup>655</sup>; местная легенда гласит, что некогда лодочник плывший по Днепру, нашел воды этой реки столь чистыми, что захотел основать город на ее берегах. В самом деле, русские реки дивно прекрасны. Ручьи здесь очень редки, ибо почвы сплошь песчаные. Среди деревьев большого разнообразия не наблюдается, малоизобретательная природа насадила повсюду в этих краях одну лишь печальную березу. Здесь тоскуешь даже по камням, ибо кругом нет ни холмов, ни долин, и сколько ни всматривайся вдаль, ни одного нового предмет не представится. Реки же дают роздых воображению. Не случайно священники в здешних краях благословляют воду. Император, императрица и весь двор в разгар зимы присутствуют на церемонии водосвятия.<sup>656</sup> Говорят, что в XI столетии Владимир объявил воды Днепра святыми и заверил свой народ, что всякий, кто в них омоется, становится христианином. Поскольку у православных крещение совершается посредством погружения в купель, тысячи людей отправились на берег Днепра, дабы отречься от идолопоклонничества.<sup>657</sup> Тот же самый Владимир отправил своих людей в Константинополь, дабы узнать, какая из вер, исповедуемых жителями этого города, более всего подходит русским; за торжественность обрядов он избрал православие.<sup>658</sup> Возможно, впрочем, что им двигали соображения более значащие; в самом деле, греческая религия, не подчиняющаяся папе римскому, наделяет русского государя властью разом и духовной.

Православие не так нетерпимо, как католичество; иначе и быть не может: ведь поскольку православных обвиняют в расколе, сами они не вправе жаловаться на вероотступничество. Поэтому в России узаконены все религии, и люди, населяющие пространство между Доном и Невой, каковы бы ни были их религиозные убеждения, провозглашают себя сыновьями одного отечества.<sup>659</sup>

Обряды православной религии по меньшей мере так же прекрасны, как и обряды католические; православные песнопения восхитительны. Все в греческой религии располагает к мечтательности. Однако мне показалось, что она более будит воображение, нежели руководствует поступками верующих. Священники здесь женятся; дворян среди них единицы. Вследствие этого духовенство не имеет никакого политического влияния; оно пользуется уважением среди народа, но во всем повинуется императору<sup>660</sup>. Греческая религия имеет в себе нечто поэтическое и внятное чувствам; многое роднит ее с Востоком, откуда ведет она свое происхождение. Когда священник выходит из алтаря, где причащается, скрытый от глаз верующих, кажется, будто солнце является из-за горизонта; облако благовоний, его окружающее, серебро, золото и драгоценные камни, которыми усыпано его одеяние и внутренность храма, — все это напоминает о краях, где поклоняются солнцу. Благоговейные чувства, какие внушает готическая архитектура в Германии, Франции и Англии, не идут ни в какое сравнение с тем действием, какое производят здешние церкви, похожие более на турецкие или арабские минареты, чем на наши храмы. Непохожи русские церкви и на церкви итальянские, изобилующие превосходными творениями скульпторов и художников. Самые замечательные украшения русских храмов — изображения Богородицы и святых, усыпанные бриллиантами и рубинами. Отличительная черта всего, что видишь — пышность; красота здесь не зависит ни от гения человека, ни от щедрости природы. Церемонии бракосочетания, крещения и похорон благородны и трогательны; в них вплетаются некоторые старинные обычаи, унаследованные от язычества, однако лишь те, что не связаны с догматами, способны усилить воздействие, производимое тремя важнейшими событиями в жизни человека: рождением, браком и смертью. Русские крестьяне сохранили привычки говорить с покойником перед тем, как навсегда с ним проститься. «Зачем ты покинул нас? — вопрошают его — Разве плохо тебе жилось на нашей земле? Разве жена твоя не красавица, разве не добрая у ней душа? Зачем же ты нас покинул?»<sup>661</sup> Покойник не отвечает, но зато живые лишней раз уверяются в драгоценности жизни.

В Киеве путешественникам показывают катакомбы, отчасти похожие на римские<sup>662</sup>; паломники приходят сюда пешком из Казани и других городов, расположенных близ границы с Азией; впрочем, паломничества в России совершаются легче, чем в любой стране, хотя расстояния здесь огромны. Русский народ не боится ни усталости, ни физических тягот. Он терпелив и деятелен, весел и задумчив. Характер его соединяет в себе контрасты самые разительные, предвещающие великие свершения, ибо противоположными свойствами обладают, как правило, лишь существа выдающиеся; толпа в большинстве своем однообразна.

Что такое русское гостеприимство, показал мне киевский генерал-губернатор Милорадович. Он принял меня самым любезным образом и окружил заботой. В прошлом адъютант Суворова, генерал этот так же бесстрашен, как его учитель. Он вселил в меня большую, чем прежде, веру в военные успехи России. Немногочисленные офицеры, которых мне довелось встречать до знакомства с ним, были выученики немцев, не имевшие в характере своем ничего русского. В генерале же Милорадовиче нашла я истинного русского, пылкого, храброго, доверчивого и совершенно чуждого тому духу подражания, по вине которого русские люди подчас вовсе утрачивают национальный характер.<sup>663</sup> Генерал Милорадович сообщил мне некоторые черты из жизни Суворова; видно, что сей последний был человек образованный, хотя и сохранял то прирожденное чутье, которое помогает постигать сущность людей и вещей в одно мгновение. Он скрывал свои познания и притворялся, будто действует исключительно по наитию, для того лишь, чтобы сильнее потрясать воображение солдат.<sup>664</sup>

Русские, как я надеюсь показать в этих записках, имеют куда больше сходства с народами Юга или, скорее, с азиатами, нежели с народами Севера. Придворные манеры у них, как и у всех прочих наций, европейские, характер же восточный. Далее я постараюсь развить эту мысль подробнее. Генерал Милорадович рассказал мне, что прошедшей зимой в Киев был прислан на постой калмыцкий полк. Предводитель этих калмыков испросил дозволения стать лагерем в соседнем лесу, ибо соотечественникам его в городе душно. Невозможно было отказать в просьбе столь скромной; калмыки отправились в заснеженный лес и поселились там в своих повозках, которые служат также и хижинами.

Русские солдаты переносят все тяготы, какие сулят им климат и войны почти так же терпеливо; всем сословиям русской нации присуще презрение к внешним трудностям и физическим страданиям, могущее подвигнуть на великие свершения. Тот самый калмыцкий вождь, которому среди зимы деревянные дома казались чересчур роскошным жильем, дарил дамам, пленившим его на балу, брильянты: он не умел объяснить с ними и, точь-в-точь как в Индии или в безмолвных восточных странах, где слово не так всеильно, как у нас, заменял им комплименты подарками. Генерал Милорадович пригласил меня вечером того самого дня, на который был назначен мой отъезд, побывать на балу у молдаванской княгини. Я отказалась с великим сожалением.<sup>665</sup> Названия чужеземных держав, имена народов, почти не принадлежащих Европе, до чрезвычайности разжигают воображение. В России чувствуешь себя на рубеже иной земли — той, где родилось христианство и где люди по сей день выказывают чудеса упорства и рассудительности.

От Киева до Москвы не меньше тысячи верст. Русские кучера мчали меня стремительно, с песнями, в которых, как мне объяснили, хвалили и ободряли своих коней. «Ну, пошли, любезные, — говорили они коням, — мы ведь с вами старые друзья; не подведите, бегите быстрее!» Я не нашла в русских ничего варварского; напротив, в их повадках есть нечто изысканное и мягкое, чего не сыщешь у других народов. Ни один русский кучер не пройдет мимо женщины, какого бы возраста она ни была и к какому бы сословию ни принадлежала, не поклонившись ей, женщина же отвечает ему кивком головы, неизменно исполненным благородства и учтивости. Старец, который не умел объяснить со мной, показал мне сначала на землю, а потом на небо, чтобы дать понять, что скоро переселится из этого мира в мир иной. Знаю, что в ответ мне могут напомнить о страшных злодеяниях, какими изобилует история России; однако я склонна винить в них не столько саму нацию, сколько бояр, развращенных деспотической властью, которой они служили орудием либо опорой. Вдобавок политические распри везде и всегда извращают национальный характер, история же России, к несчастью, представляет нам череду преступлений, сначала возвышающих властителей, а затем низвергающих их с престола. Такова, впрочем, повсюду роковая участь государей в абсолютной монархии.<sup>666</sup> Мелкие гражданские чиновники, рассчитывающие на собственную изворотливость и умение плести интриги, ничем не схожи с деревенскими жителями, и я понимаю, отчего о них рассказывают столько дурного; иначе и быть не может, однако о нации воинов следует судить по солдатам и по тому сословию, откуда их набирают.

Хотя кони несли нас с огромной быстротой, мне казалось, будто не трогаюсь с места: настолько однообразны были картины, мелькавшие за окном. Песчаные равнины, кое-где березовые рощи и редкие селения, в которых все дома выстроены из дерева по одному образцу, — ничего иного моему взору не представало. Я словно видела Страшный сон — тот, в котором, как быстро ни иди, все равно остаешься на месте. Страна эта казалась мне воплощением бесконечного пространства, для пересечения которого требуется вечность. Мимо нас на невероятной скорости, не останавливаясь ни на минуту, то и дело проносились курьеры в небольших повозках, запряженных парой лошадей. Из-за рытвин на дороге повозки сотрясались от толчков, и курьеры порой взлетали с деревянной скамейки, на которой сидели, на несколько футов вверх, но с изумительной ловкостью опускались на прежнее место и тотчас кричали по-русски «пошел», вкладывая в эти слова такую страсть, какую французы выказывают в час битвы. Славянский язык на редкость звучен; пожалуй, в иных русских словах, столь непохожих на слова западных языков, есть даже нечто металлическое; в них слышится звон меди.<sup>667</sup>

На полпути между Киевом и Москвой почтовые лошади сделались более редки; чувствовалась близость армии. Нам приходилось ожидать на станциях по несколько часов. Мы видели резервные корпуса, спешившие на помощь русской армии. Казаки, не дожидаясь приказа и не получив мундиров, шли на войну в серых одеяниях с широкими капюшонами, с длинными пиками в руках.<sup>668</sup> Я совсем иначе представляла себе казаков<sup>669</sup>; живут они, как я и думала, за Днепром, ведут независимый образ жизни на манер дикарей, однако во время войны беспрекословно исполняют приказы командиров. Обычно самыми грозными кажутся воины, облаченные в яркие мундиры. Тусклые тона казацкого платья внушают страх совсем иного рода: кажется, будто в бой идут призраки.

Я начинала бояться, как бы путешествие мое не прервалось в ту самую минуту, когда необходимость двигаться как можно быстрее сделалась особенно явной. Один из моих спутников, встревоженный стремительным наступлением французов, опасался, что из-за близости Французской армии мне может вовсе не достаться лошадей<sup>670</sup>; проводя по пять-шесть часов в виду почтовой станции, ибо внутри чаще всего не находилось комнаты, где я бы могла отдохнуть, я с содроганием поминала эту армию, которая могла настичь меня на краю Европы и сделать положение мое разом и трагическим, и смешным. Ибо для предприятий, подобных моему, неудача губительна вдвойне. Об обстоятельствах, вынудивших меня пуститься в путь, знали далеко не все. Люди, не ведавшие, что родной дом сделался для меня тюрьмой, начали бы спрашивать, зачем я его покинула, непременно нашлись бы доброхоты, объявляющие с сокрушенным видом, что они, разумеется мне сочувствуют, но лучше бы мне было не трогаться с места. Опирайся тиран только на своих прямых сторонников, он бы очень скоро утратил могущество; странная вещь, доказывающая более, чем что-либо иное ничтожество рода человеческого: посредственности в большинстве своем верно служат всякому, кто стоит у власти. Они поклоняются свершившемуся факту и, видя, что унтерменш торжествует, а жертве вынесен приговор, спешат оправдать не столько тирана, сколько судьбу, орудием которой он является. Причины такого раболепства коренятся, по всей вероятности, в слабости ума и характера; впрочем, человек вообще нуждается в оправдании собственной участи, какой бы она ни была, ибо видит в этом способ жить в мире с судьбой.

Наконец я достигла Орловской и Тульской губерний, так часто упоминаемых в бюллетенях обеих армий; теперь у меня наконец появилась надежда отдалиться от театра военных действий. В этих уединенных краях — ибо провинциальные русские города имеют вид весьма пустынный — мне оказали прекрасный прием. Несколько тамошних помещиков явились в мою гостиницу, дабы высказать восхищение моими книгами; признаюсь, я была польщена, узнав, что пользуюсь известностью так далеко от родины. Супруга губернатора приняла меня на азиатский манер — с шербетом и розами.<sup>671</sup> Комната ее, украшенная музыкальными инструментами и картинами, имеет вид весьма элегантный. В Европе повсюду бросается в глаза контраст между богатством и бедностью. В России же, можно сказать, не замечаешь ни того, ни другого. Народ не бедствует; дворяне способны, при необходимости, вести тот же образ жизни, что и простолюдины; отличительная черта этой страны есть сочетание самых тяжких лишений и самых утонченных удовольствий. Помещики, в чьих домах собрано самое роскошное, чем дарят нас далекие страны, в дороге едят хуже французских крестьян и умеют переносить не только на войне но и в прочих жизненных обстоятельствах нескончаемые физические тяготы. Живя в суровом климате, в стране, большую часть которой покрывают болота, пустыни и леса, русские принуждены постоянно вступать в борьбу с природой. Даже фрукты и цветы здесь растут только в теплицах<sup>672</sup>; овощей почти не выращивают, виноградников нигде нет. Такой образ жизни, какой ведет во Франции любой крестьянин, в России могут себе позволить только богачи. Здесь самые необходимые вещи суть предметы роскоши; поэтому когда роскошь недоступна, люди отказываются и от предметов первой необходимости. То, что англичане именуют комфортом, а мы — удобством<sup>673</sup>, в России редкость. Однажды некий французский генерал заказал для полога своей кровати расшитую ткань до такой степени роскошную, что необходимого количества отыскать не смогли. «Ну что ж! — сказал он. — Раз этой ткани не нашлось, бросьте мне вон там, в

углу, охалку сена, я прекрасно выплосюсь на ней.<sup>674</sup> Точно так же ведут себя русские вельможи. Самое блистательное великолепие кажется их воображению несовершенным, но если эта поэзия пышности им недоступна, они готовы пить мед, спать на голом полу и скакать днем и ночью на телеге, нимало не сожалея о роскоши, кажется, столь им привычной. С помощью богатства они, пожалуй, стремятся скорее поражать других, нежели радовать самих себя, точь-в-точь как жители Востока, которые принимают чужестранцев с великой любезностью и осыпают их дарами, собственным же довольством зачастую пренебрегают. Вот одна из причин, объясняющих, отчего русские так мужественно перенесли все бедствия, причиненные им пожаром Москвы. Можно сказать, что богатство для русских - почетный караул, который они без сожаления выставляют на защиту отечества; роскошь не развратила здешних богачей, более привычных к внешнему блеску, нежели к заботе о своем удобстве, так что, принося состояние в жертву родине, они услаждают свою гордость едва ли не больше, чем когда тратили деньги на пышное убранство своих жилищ. Народ этот — исполин во всем, обычные мерки в России не входу. Я не желаю тем самым сказать, что русским вовсе неведомо ни подлинное величие, ни постоянство, однако дерзость их воображения не знает пределов, колоссальное в их стране берет верх над соразмерным, отвага — над расчетливостью, и если они не достигают цели, то лишь потому, что оставляют ее далеко позади.

Я приближалась к Москве, меж тем ничто не предвещало близости столицы. Селения, выстроенные из дерева, по-прежнему располагались далеко одно от другого; движение на просторных равнинах, именуемых дорогами, было ничуть не более оживленным; загородные Усадьбы встречались ничуть не более часто. Пространства в России так много, что в нем теряется все: и поместья, и люди. Кажется, будто едешь по стране, только что покинутой жителями: так мало здесь домов, так пустыжны поля и дороги, так тихо крутом. Тишина эта еще более заметна из-за отсутствия птиц; скота тоже немного, а тот, что есть, пасется вдалеке от дороги. Простор съедает все, кроме самого простора, завораживающего воображение подобно иным метафизическим идеям, от которых мысль, раз пленившись ими, освободиться уже не способна.

Накануне приезда в Москву, вечером очень жаркого дня, я остановилась на прелестном лугу; крестьянки в живописных нарядах, какие носят жительницы этих краев, возвращались домой с полей, распевая украинские песни, в которых похвалы любви и свободе звучат меланхолически и едва ли не жалобно. Мне хотелось увидеть их пляски и они согласились исполнить мою просьбу. Не знаю ничего более грациозного, чем эти народные танцы, исполненные со всей оригинальностью, какую сообщает изящным искусствам природа, в них высказывается некое сдержанное сладострастие; русской пляске очарование придает та смесь расслабленности и живости, которая, вероятно, свойственна также индийским баядерам. Смесь эта выдает присутствие в русском характере мечтательности и страстности — свойств, которые цивилизация до сих пор не обработала и не укротила. Меня поразила кроткая веселость этих крестьянок, в той или иной степени характерная для большинства русских людей, с которыми мне пришлось иметь дело. Охотно верю, что в порыве страсти они могут быть страшны; человек необразованный не умеет укрощать свою ярость. По причине той же необразованности они почти не имеют моральных принципов; они гостеприимны, но вороваты; они так же легко отнимают чужое добро, как и жертвуют своим, смотря по тому что взяло верх в их душе в настоящую минуту — хитрость или великодушие.<sup>675</sup> Оба эти свойства вызывают у них равное восхищение.

В таком поведении есть нечто, роднящее русских с дикарями, однако мне представляется, что среди нынешних европейских наций могучи лишь те, которые именуются варварскими, то есть нации непросвещенные, иначе говоря, свободные. Что же до тех наций, которые цивилизация научила лишь одному — терпеть любое иго до тех пор, пока угнетатель не посягнет на домашний очаг каждого, оправдывать властителей и извинять рабство, — они созданы для того, чтобы оставаться побежденными. Я часто пытаюсь вообразить, что случилось нынче с тем краем, который я видела столь покойным, с теми любезными молодыми крестьянками и теми длиннобородыми крестьянами, которые столь безмятежно покорялись воле Провидения: все они либо погибли, либо бежали из родных мест, но никто из них, конечно, не согласился служить победителю<sup>676</sup>.

Достоин замечания, насколько развит в России общественный дух.. Многочисленные военные успехи русской нации, благодаря которым завоевала она репутацию непобедимой, природная гордость здешней знати, самоотверженность, свойственная простому народу, благочестие, имеющее огромную власть над умами, ненависть к чужестранцам, от которой Петр I пытался избавить своих подданных, просвещая их и цивилизуя, но которая тем не менее осталась у них в крови, — все эти причины, вместе взятые, при необходимости делают русских народом в высшей степени деятельным. Несколько скверных анекдотов, относящихся к прошлым царствованиям, несколько русских, живших долгами в Париже, несколько острот Дидро,<sup>677</sup> внушили французам, что в России нет ничего, кроме развращенного двора, раболепных офицеров и закабаленного народа; это великое заблуждение. Конечно, в обычных обстоятельствах для того, чтобы узнать эту нацию, требуется очень много времени; однако я оказалась в России в такую пору, когда все ее свойства сделались ощутительны; нет лучшего способа увидеть страну в самом выгодном свете, чем явиться туда в эпоху невзгод и подвигов. Повторю еще раз: нации этой присущи свойства самые противоположные. Быть может, причина этих контрастов в смешении европейской цивилизации и азиатского характера.

Русские оказывают чужестранцу прием столь любезный, что с первого же дня кажется, будто знаешь их целую вечность, однако же знакомство это может не сделаться более коротким и по прошествии десяти лет. Особенно удивительно молчание русских: умалчивают они именно о том, что их живо интересует.<sup>678</sup> Вообще они охотно поддерживают разговор, однако речи их свидетельствуют исключительно об их учтивости; ни чувств, ни мнений говорящего они не выражают. Русских часто сравнивали с французами, меж тем для сравнения этого нет, на мой взгляд, решительно никаких оснований. Гибкость органов располагает русских к подражанию<sup>679</sup>; они могут вести себя, смотря по обстоятельствам, как французы, англичане или немцы, но при этом не перестают быть русскими, иначе говоря, пылкими и сдержанными разом, созданными более для страсти, нежели для дружбы, более гордыми, нежели тонкими, более набожными, нежели добродетельными, более отважными, нежели рыцарственными, и готовыми на все ради удовлетворения своих неистовых желаний. Они куда гостеприимнее французов, однако под обществом они, в отличие от нас, понимают вовсе не собрание мужчин и женщин острого ума, которые с приятностью беседуют меж собой. В России общество подобно многолюдному празднеству, здесь люди едят фрукты и диковинные яства из Азии и Европы, слушают музыку, играют, одним словом, ищут впечатлений сильных, но не затрагивающих ни ума, ни души<sup>680</sup>; то и другое пускают они в ход, когда переходят от жизни светской к жизни деятельной. Вдобавок русские в большинстве своем весьма мало образованы, не имеют вкуса к серьезным беседам и не стремятся тешить свое самолюбие, блистая умом. Остроумие, красноречие, литература — вещи, в России неизвестные; здесь гордятся и чванятся роскошью, могуществом и отвагой. Все прочие способы отличиться нация эта, в чьих нравах азиатского куда больше, нежели европейского, по сей день почитает проявлениями изнеженности и тщеславия.

Однако народ здесь поработен, скажут мне; каков же может его характер? Полагаю, мне нет необходимости напоминать, что все Просвещенные люди желают русскому народу выйти из этого состояния, и едва ли не более всех прочих жаждет этого, как станет ясно из дальнейшего изложения, император Александр.<sup>681</sup> Однако рабство в России имеет иные следствия, нежели воображаем мы, люди Запада<sup>682</sup>; при феодализме победители навязали побежденным свои жестокие законы, здесь же знать и народ, можно сказать, живут одной семьей, как в античности; положение у здешних крестьян не то, что у средневековых крепостных. Третьего сословия в России не существует<sup>683</sup>; обстоятельство это влияет весьма неблагоприятно на судьбы литературы и изящных искусств, ибо обычно именно третье сословие способствует развитию просвещения. Однако благодаря этому отсутствию посредников вельможи и простолюдины любят друг друга сильнее, чем в других странах. Оттого, что между ними нет никаких промежуточных разрядов, кажется, будто дистанция, разделяющая эти сословия, огромна, на самом же деле по этой причине они касаются гораздо более тесно. Такое устройство общества вовсе не способствует просвещению высших сословий, но отнюдь не препятствует счастью низших. Вообще там, где не существует представительного правления, иначе говоря, в странах цивилизованных, но подчиняющихся монарху; который сам издает законы и сам же принужден их исполнять, люди чаще пятнают себя отречением от собственного разума и характера, нежели в обширных империях, где массы и вожди движимы простыми идеями: верой в Бога и любовью к отечеству. Спокойное достоинство и безмолвное величие, присущие народам Азии, нравятся мне более, нежели жизнь, какую ведут европейские нации-полукровки, полукровками же я называю всех, кому не дано жить при свободном правлении. Кроме того, Российская империя столь велика, что деспотизм знати тяготеет над каждым отдельно взятым простолюдином не так сильно. Наконец — что важнее всего — сердцами русских безраздельно владеет религиозный и военный дух, источник прекраснейших человеческих деяний, и это заставляет прощать русской нации многие изъяны. Человек острого ума сказал, что Россия напоминает пьесы Шекспира, где все, в чем нет неправильности, возвышенно, а все, в чем нет возвышенности, — неправильно.<sup>684</sup> Замечание это в высшей степени верное, однако в роковую пору,

когда я оказалась в России, нация эта обнаруживала исключительно энергию сопротивления и готовность к самопожертвованию, а при виде подобных жертв кажется почти невозможным обращать внимание на то, что в другие времена могло бы вызвать нареkania.

Москву узнаешь издали по золотым куполам.<sup>685</sup> Однако, поскольку город этот, как все русские поселения, выстроен на совершенно плоской равнине<sup>686</sup>, поначалу он ничем не поражает взора; великолепие Москвы можно оценить в полной мере, лишь взглянув на нее с вершины какой-нибудь башни. Кто-то справедливо заметил, что Москва — не город, а целая провинция.<sup>687</sup> В самом деле, в Москве есть хижины, дома, дворцы, восточный базар<sup>688</sup>, церкви, общественные заведения, пруды, леса, парки. На этом обширном пространстве можно наблюдать нравы и нации, какими богата Россия. Не угодно ли вам, спрашивали меня, купить кашемировые шали в татарском квартале? Побывали ли вы уже в китайском квартале?<sup>689</sup> В этом городе Азия соединяется с Европой. Здесь больше вольности, чем в Петербурге, где, разумеется, сильно влияние двора. Московские вельможи не ищут мест<sup>690</sup>, однако любовь свою к отечеству они доказывают пожертвованием государству огромных сумм, которые шли в мирное время на основание общественных учреждений, а в военное — на защиту отечества. Свои колоссальные состояния русские вельможи употребляют на покупку редкостей, на разного рода предприятия, на устройство празднеств, не уступающих тем, что описаны в сказках «Тысячи и одной ночи»; нередко случается и так, что все деньги без остатка они приносят в жертву необузданным своим страстям.

Но в ту пору, когда я оказалась в Москве, все здесь жертвовали деньги только на войну. Молодой граф Мамонов составил на свой счет полк, в коем сам желал служить в чине не выше подпоручика<sup>691</sup>. Графиня Орлова, любезная и богатая на азиатский манер, отдала три четверти своего состояния<sup>692</sup>. Проезжая мимо московских дворцов, окруженных обширными садами, — ибо здесь городские жители распоряжаются пространством так щедро, как в других странах жители деревенские, — я слышала, что владелец одной роскошной усадьбы только что подарил государству сотню или даже тысячу крестьян, а хозяин другой — две сотни. Мне трудно было свыкнуться с выражением «подарил людей», однако в этих обстоятельствах крестьяне сами страстно желали сражаться с врагом, господа же оказывались не более чем исполнителями их воли.

Лишь только русский крестьянин становится солдатом, ему бреют бороду, и с этого момента он получает свободу. Однако объявить свободными всех крестьян, воюющих в ополчении, сочли невозможным: это означало бы дать свободу всей нации, ибо на борьбу с завоевателями она поднялась почти вся целиком.<sup>693</sup> Будем надеяться, что этого желанного освобождения можно будет добиться без потрясений. А покамест пусть крестьяне сохраняют бороды, ведь они сообщают лицам необычайную силу и достоинство.<sup>694</sup> Русские бородачи не минуют ни одной церкви, не осенив себя крестом; их вера в зримые символы религии весьма трогательна.<sup>695</sup> Русские храмы носят на себе отпечаток азиатской роскоши; их украшения — сплошь золото, серебро и рубины. Говорят, что один русский предложил составить алфавит из драгоценных камней и написать таким образом Библию. Он знал, как приохотить к чтению своих соотечественников, наделенных восточным воображением. Воображение это, однако, до сих пор не проявилось ни в изящных искусствах, ни в поэзии. Русские очень быстро продвигаются во всех сферах до известной точки, но далее не идут. Первый шаг делается под влиянием порыва, для второго же потребные мысли, меж тем русские, в отличие от народов Севера, до сих пор выказывают очень малую склонность к размышлениям.<sup>696</sup>

Прекраснейшие дворцы в Москве выстроены из дерева, ведь русские, которым от природы присуще непостоянство во всем, что не касается до религии и отечества, любят то и дело перемещать место жительства, а деревянные дома легче возвести в короткое время. Многие из этих прекрасных дворцов были сооружены по случаю празднеств и срок жизни, им отведенный, исчислялся одним днем, однако роскошное убранство позволило им просуществовать до нынешнего времени, когда рушится все вокруг. Большая часть этих домов выкрашена в зеленый, желтый, розовый цвета и украшена резьбой, напомнившей завитки крема. Завитки эти, подобные арабескам, кажутся издали бордюрами у подножия высоких церквей.

Кремль, цитадель, в которой российские государи укрывались от нападений татарских войск, окружен высокой зубчатой стеной, он больше похож на турецкий минарет, нежели на западную крепость. Москву можно было бы назвать восточным городом, если бы не великое множество церквей, на которые русские взирают с таким благоговением. В Москве вспоминаешь Рим, не потому, разумеется, что здания здесь выстроены в итальянском стиле, но потому, что смешение пустынной сельской местности и великолепных дворцов, обширность города и множество храмов сообщают азиатскому Риму<sup>697</sup> некоторое сходство с Римом европейским.<sup>698</sup> Судьбе было угодно отдать оба Рима на поругание одному и тому же человеку.

Внутренность Кремля мне довелось увидеть в начале августа. Я поднялась по той самой лестнице, по которой несколько дней назад восходил император Александр в окружении огромной толпы, прославлявшей государя и обещавшей отстоять его державу любой ценой.<sup>699</sup> Народ сдержал данное императору слово.

Вначале меня провели в залы, где хранится старинное русское оружие.<sup>700</sup> Арсеналы такого рода более достойны внимания в других странах Европы. Русские не знали рыцарства; прежде царствования Петра I они не носили шпиг; они не участвовали в крестовых походах. Они постоянно воевали с татарами, поляками и турками, и воинский дух воспитался в них среди жестокостей разного рода, на которые осуждало их варварство азиатских народов и собственных тиранов. Потому в последние несколько 10-летий русских отличала не великодушная отвага Баярдов и Бэкишемов<sup>701</sup>, но бесстрашие фанатиков. Колчаны, хранящиеся в кремлевском арсенале, отличаются от европейского холодного оружия, как битвы с татарами от рыцарских поединков. В общественных отношениях, для них столь новых, русские не выказывают рыцарского духа, как его понимают народы Запада<sup>702</sup>, - зато к врагам они всегда были беспощадны. И до, и после царствования Петра Великого убийства в России совершались столь часто, что это не могло не сказаться на нравственности всей нации, а более всего знати. Деспотические правительства, не ограниченные<sup>703</sup> ничем, кроме убийства деспота<sup>704</sup>, колеблют в умах людей привычные представления о чести<sup>705</sup> и долге, однако на развалинах своей кровавой истории русские сберегли любовь к отечеству и религии, а нация, богатая добродетелями такого рода, еще способна удивить мир.

Из старинного арсенала меня провели в комнаты, где прежде жили цари, а теперь хранятся их коронационные одежды. Комнаты эти вовсе не красивы, однако они вполне подобают той суровой жизни, какую вели, да и по сей день, ведут цари. Дворец Александра блистает роскошью, но сам он спит на жесткой постели, а путешествует как обычный казачий офицер. Должно быть, военный дух в России сохраняется благодаря тому, что богачи здесь ищут не удобства, а славы. Такой образ жизни, в сущности, не самый приятный, не раз подвергался осуждению, однако по здравом размышлении нетрудно понять, что он облегчает расставание с богатством. Спокойствие, с каким русские вельможи перенесли потерю всего своего состояния во время московского пожара, показывает довольно ясно, что стоит им только захотеть — и они легко пожертвуют жизнью, сотканной из наслаждений.

В Кремле мне показали двойной трон, который занимали некогда Петр I и брат его Иван. Царевна Софья, их сестра, стояла за спиной Ивана и подсказывала ему, что он должен говорить, однако заемная сила Ивана не устояла перед прирожденной силой Петра, и вскоре сей последний стал править один. Начиная с его царствования русские цари коронуются в ином платье. Прежде цари носили азиатский наряд,<sup>706</sup> Петр I ввел в своей державе длинные парики века Людовика XIV; при всем почтении, какого достоин этот великий человек<sup>707</sup>, нельзя не заметить, что существует некий неприятный контраст между его свирепым гением и платьем, сшитым по всем правилам европейского искусства. Следовало ли ему изгонять с таким тщанием все восточное из обыкновений своей нации? Следовало ли размещать столицу на северной оконечности империи?<sup>708</sup> Этот великий вопрос до сих пор не разрешен; толковать свершения столь грандиозные под силу лишь столетиям. Под конец я взойшла на колокольню Ивана Великого, откуда открывается вид на весь город. Оттуда я увидела дворец царей, которые с оружием в руках покорили Сибирь, царства Казанское и Астраханское. Я услышала церковные песнопения: это католикос, грузинский Князь, служил обедню среди жителей Москвы, объединяя таким образом христиан Азии и Европы<sup>709</sup>. Порукою в благочестии москвичей служат полторы тысячи церквей московских. Торговые заведения в Москве устроены на азиатский манер. продавцы в тюрбанах, одетые в наряды самых разных стран, предлагают покупателям редкие товары, от сибирских мехов до индийских тканей, и пленяют русских вельмож, чье воображение падко на самоедские соболя и персидские рубины, чудесами роскоши. Сверху я могла видеть дворец и сад Разумовского, где располагалась прекраснейшая коллекция растений и минералов, а чуть подалее — дом графа Бутурлина, где находилась превосходная библиотека, которую он собирал в течение трех десятков лет<sup>710</sup>; на полях некоторых книг, ее составляющих, имелись собственноручные пометы Петра I. Этот великий человек не подозревал, что представители той самой европейской цивилизации, которою он так дорожил, явятся в Россию разорять заведения, учрежденные им ради ее торжества. Здешний университет, постоянно усовершенствуемый, имел целью сосредоточить с помощью ученых нетерпеливый ум русских.

Чуть подалее возвышался Воспитательный дом, один из превосходнейших в Европе<sup>711</sup>; в разных кварталах города нетрудно было заметить больницы для всех классов общества. Одним словом, взор повсюду встречал следы богатства и плоды благоденствий, великолепные палаты и благотворительные заведения, церкви и дворцы, дарившие счастье или славу большинству местных жителей. Среди зданий струила свое извилистое течение река Москва<sup>712</sup>, чьи воды не окрашивались кровью со времен татарского нашествия. День был великолепный; солнце, казалось, с радостью проливало свет на сверкающие храмы. Я вспомнила старого архиепископа Платона, только что адресовавшего императору Александру пастырское послание, восточный стиль которого живо меня взволновал<sup>713</sup>; с окраины Европы этот священник прислал императору образ Пресвятой Девы, дабы помочь изгнать из России человека, который обрушил на русских всю мощь европейских наций, им поработанных. На одно мгновение мысль о том, что город, которым я люблю, обречен погибнуть от руки этого человека и что вскоре он поднимется на колокольню, где теперь стою я, посетила меня<sup>714</sup>; на одно мгновение я поверила, что, желая потешить свою

потешить свою гордыню, человек этот займет в царском дворце место, которое занимал некогда глава Великой Орды, также на время его захвативший<sup>715</sup>; но небо было так ясно, что я прогнала страшную мысль. Месяц спустя этот прекрасный город уже лежал в руинах, дабы ни у кого уже не оставалось сомнений в том, что всякую страну, однажды заключившую союз с этим человеком, пожрет пламя ада, ему покорного. Какой же, однако, дорогой ценой искупили русские и их государь свое заблуждение! Впрочем, несчастье Москвы возродило империю; этот благочестивый город погиб смертью мученика, чья кровь сообщает новые силы его собратьям, избежавшим гибели.

Знаменитый граф Ростопчин, чье имя постоянно упоминалось в бюллетенях императора, приехал ко мне с приглашением на обед. При Павле I Ростопчин был министром иностранных дел<sup>716</sup>; разговор его, исполненный оригинальности, показывал, что, если обстоятельства того потребуют, он обнаружит характер весьма решительный.<sup>717</sup> Я отправилась к нему в усадьбу, расположенную внутри городской черты; чтобы туда попасть, следовало проехать мимо озера через лес; при подходе Наполеона к Москве граф Ростопчин сам поджег эту усадьбу, одну из уютнейших во всей России.<sup>718</sup> Казалось бы, подвиг столь славный не мог не вызвать восхищения даже у его врагов. Император, однако же, уподобил графа Ростопчина Марату, забыв, что первый жертвовал собственным достоинством, второй же губил чужое, а это, что ни говори, не может не делать окружающим чувствительную разницу<sup>719</sup>. Упрекнуть графа Ростопчина можно было бы в другом: он слишком долго скрывал дурные вести, поступавшие из армии, то ли оттого, что обольщался сам, то ли оттого, что хотел обольстить других.<sup>720</sup> Англичане, выказывая ту восхитительную душевную чистоту, которая отличает все их поступки, отдают равно достоверный отчет как в своих успехах, так и в своих неудачах; энтузиазм их питается исключительно правдой, какова бы она ни была. Русским пока далеко до этого нравственного совершенства, рождаемого свободным устройством общества. С другой стороны, ни одна цивилизованная нация не стоит так близко к дикарям, как русские; даже зная, когда она обладает энергией, разделяет и недостатки, и достоинства этих необузданных сынов природы. Многим пришлось по вкусу знаменитое словцо Дидро: «Русские стнили, не успев созреть»<sup>721</sup>. Не знаю, однако, утверждения более ложного; сами пороки русских, за немногими исключениями, причиною имеют не развращенность, но необузданность. «Желание, овладевшее русским народом, — сказал человек выдающегося ума, — способно взорвать город».<sup>722</sup> Если русские решили добиться цели, хорошей ли, дурной ли, они либо впадают в ярость, либо идут на хитрость; Петру I, наскоро привившему им начатки цивилизации, не удалось изменить их природу, преобразились на сей день только их манеры. К счастью для русских, они по-прежнему остались народом, который мы именуем варварским, иначе говоря, ими движет инстинкт — подчас благородный, всегда невольный и предполагающий раздумья при выборе средств, но не при рассмотрении цели; я сказала «к счастью для русских» не потому, что намерена восхвалять варварство, но потому, что под этим словом я разумею некую первобытную энергию, которая одна способна заменять нациям удивительную мощь, даруемую свободой.

Графиня Ростопчина пожелала подарить мне свою книгу о торжестве религии, книгу чистой в отношении стиля и морали.<sup>723</sup> Я узнала в Москве и в Петербурге ученых и литераторов весьма просвещенцы, однако в обоих этих городах народным образованием руководят по преимуществу немцы.<sup>724</sup> В России остро недостает людей образованных во всех областях, более же всего в науке; молодые люди в большинстве своем записываются в университет лишь ради того, чтобы поскорее вступить в армию.<sup>725</sup> В России всякой гражданской должности соответствует определенное воинское звание; дух у русской нации воинственный по преимуществу. Во всем, кроме дела военного, — в Государственном управлении, политической экономии, народном просвещении и проч. — остальные народы Европы до сих пор имели верх над русскими. Русские, однако же, пробуют себя в литературе. Плавность и звучность их языка вняты даже тому, кто не знает по-русски; люди говорящие на таком языке, — прирожденные музыканты и поэты. Однако русские, как и жители многих европейских стран, совершенно напрасно подражают французской литературе, в которой даже краски хороши для одних лишь французов.<sup>726</sup> Мне кажется, что русским литераторам следует предпочесть латинскому наследству наследство греческое. Сходство русских букв с греческими, старинные сношения России с Византийской империей, ее грядущие судьбы, которые, возможно, приведут русскую нацию к подножию славных памятников античности<sup>727</sup>, — все должно подвигнуть русских к изучению греческого. Что же касается до поэзии, то ее надобно черпать из потаенных глубин собственной души. Меж тем до настоящего времени русские авторы, можно сказать, воспевали лишь то, что вертелось у них на языке, нацию, столь пылающую аккордами столь слабыми не вдохновить.<sup>728</sup>

Я покидала Москву с сожалением.<sup>729</sup> Ненадолго я остановилась и лесу близ города, куда в дни празднеств столичные жители приезжают плясать и радоваться солнцу, которое даже в Москве недолго балует их своим сиянием. Что же говорить о краях более северных? Говорят, близ Архангельска даже неизменные березы встречаются все реже: о них заботятся так же тщательно, как об апельсиновых деревьях во Франции. Эти вечные березы утомляют взор своим однообразием. Дорога из Москвы в Петербург — это сплошные пески в первой половине и сплошные болота во второй; после дождя земля чернеет и тракт совершенно теряется среди той широкой равнины, какую здесь именуют дорогой. Деревенские дома, впрочем, везде обличают зажиточность; крестьяне украшают их колоннами, а окна окаймляют арабесками из деревянных цветов. Хотя стояло лето, я ощущала грозное присутствие зимы, которая, казалось, пряталась за тучами. Фрукты, которыми меня угощали, имели терпкий вкус, ибо созрели слишком быстро; роза волновала меня напоминанием о наших прекрасных краях. Однако даже эти цветы здесь имели вид не такой горделивый, как у нас — чудилось, что Север уже занес над ними свою ледяную руку.

Я проехала через Новгород, три столетия назад бывший республикой в союзе с городами Ганзы. Новгородцы выдержали атаки шведской армии под предводительством Понтюссона де Ла Гарди, славного полководца, который принял командование над своими соотечественниками вскоре после отречения от престола королевы Кристины<sup>730</sup>. Говорят, что европейцы потребовали для себя свободы лишь в прошлом веке, меж тем на самом деле недавним изобретением следует назвать деспотизм<sup>731</sup>. Даже в России закрепощение крестьян совершилось только в XVI столетии<sup>732</sup>. Вплоть до царствования Петра I все указы начинались словами: «Бояре приговорили, царь прикажет»<sup>733</sup>. Петр I, хотя во многих отношениях и оказавший на Россию влияние весьма благотворное, унижил знать и, дабы деспотизм его не встречал преград, объединил в своих руках власть светскую и духовную<sup>734</sup>. Во Франции также поступил Ришелье; недаром Петр I очень им восхищался. Говорят, что при виде его могилы в Париже русский император воскликнул: «Великий человек! Я отдал бы половину своей державы, чтобы научиться править другой, как ты»<sup>735</sup>. В этом случае Петр выказал чрезмерную скромность, ибо имел перед Ришелье множество преимуществ: он был великий полководец, основатель флота и открыватель торговых путей, Ришелье же только и умел, что быть безжалостным тираном внутри страны и вероломным обманщиком за ее пределами. Вернемся, однако, к Новгороду: Иван III завладел этим городом в 1470 году: он отнял у новгородцев свободу и приказал перевезти в Москву большой колокол, именуемый Вечевым, — тот самый, что созывал горожан на площадь для обсуждения вопросов общественных<sup>736</sup>. С утратой свободы Новгород стал стремительно терять население, торговые связи, богатство: ибо самодержавная власть, говорит лучший историк России, повсюду производит действие разрушительное и иссушающее!<sup>737</sup> Новгород и по сей день имеет вид на удивление печальный; длинная крепостная стена напоминает о том, что некогда город этот был велик и обилен народом, ныне же на этом обширном пространстве разбросаны отдельные дома, жители коих, кажется, вечно льют слезы над могилами. Быть может, такова же сделалась ныне и прекрасная Москва, однако дух общественный поможет восстановить ее, как помог он отбить ее у врага.

Местность между Новгородом и Петербургом представляет собою сплошные болота, так что прекраснейший из городов европейских является перед вами внезапно, словно по мановению волшебной палочки<sup>738</sup>. Основание Петербурга доказывает неопровержимо, что для пламенной русской воли пет ничего невозможного<sup>739</sup>; окрестности этого города, выстроенного на болоте, отвратительны; мраморные дворцы здесь покоятся на деревянных сваях, однако, любясь этими великолепными зданиями, забываешь, сколь непрочны их основания, и не можешь не восхищаться чудом, благодаря которому посреди пустыни вырос в столь короткое время город столь прекрасный.

Прибыв в Петербург<sup>740</sup>, я первым делом возблагодарила Небо за то, что наконец добралась до моря. Увидев над Невою английский флаг, символ свободы, я почувствовала, что, вверившись морской стихии, смогу предать себя непосредственно в руки Провидения. Пускай это всего лишь иллюзия, но невозможно не думать, что мы становимся ближе к Господу, когда зависим от природных стихий, а не от людей и, главное, не от человека, в котором, кажется, воплотилось все зло земного мира.

Справедливо говорится, что в Петербурге женщину невозможно назвать старой, как городские улицы<sup>741</sup>, ибо в этом городе сами улицы молоды. Здания здесь еще не утратили ослепительной белизны, ночью, в свете луны, они напоминают исполинские белые привидения, неподвижно глядящиеся в быстрые невские воды. Не знаю, что в Неве особенно красивого, но никогда еще ни одна река не казалась мне такой чистой. Она струит свои воды меж гранитных набережных, растянувшихся на тридцать верст, и величие этого людского творения достойно прозрачности потока, им окаймляемого<sup>742</sup>. Устрой Петр I нечто подобное на юге своей империи, он не создал бы того, о чем мечтал, а именно флота, но, возможно, действовал бы более сообразно характеру своей нации.

Русские, обитающие в Петербурге, имеют вид южного народа, который осужден жить на севере и изо всех сил борется с климатом, не согласным с его природой. Жители Севера, как правило, большие домоседы и опасаются холода именно потому, что сталкиваются с ним постоянно. Напротив, русские простолюдины чужды подобным привычкам; зимой кучера безропотно ожидают господ возле подъезда по двенадцать часов: они укладываются на снег под каретой, перенося таким образом обыкновения неаполитанских лаццарони на шестидесятую параллель<sup>743</sup>. Они засыпают на ступеньках лестницы, точь-в-точь как немцы на своих перинах; порой им случается даже вздремнуть стоя, прислонившись к стене. То вялые, то дерзкие, они то спят беспробудным сном, то предаются лихорадочной деятельности. Иные из них напиваются допьяна, чем отличаются от народов Юга, вообще весьма воздержанных<sup>744</sup>; впрочем, в военное время русские тоже способны на воздержание, каковому предаются с постоянством почти невероятным. Народ этот, весь составленный из контрастов, с неслыханной решимостью бросается в бой против природы или вражеских полчищ. В час испытаний русские всегда выказывают терпение и твердость. Однако в жизни обыкновенной они — само непостоянство. Они не способны долго восхищаться одними и теми же людьми, одними и теми же повелителями; неизменность чувств и суждений есть плод повседневных спокойных размышлений, русские же, как все народы, существующие под властью деспотической, более склонны к притворству, нежели к раздумьям. На свой лад к жителям Юга близки вкусами и вельможи. Надобно видеть загородные дома, выстроенные ими на острове посреди Невы, едва ли не внутри городской черты. Жилища эти украшены южными растениями; в комнатах стоят азиатские диваны и курятся восточные благовония. В огромных теплицах с рукотворным климатом зреют фрукты — детища самых разных стран. Легнею порою русские вельможи стараются не упустить ни единого луча солнца, которое вот-вот их покинет; они радуются ему как другу, чьим обществом наслаждались некогда в краю более счастливым.

Напротив дома, где я жила в Петербурге<sup>745</sup>, высится памятник Петру I; император изображен на коне, он поднимается на крутой утес, а змеи, выющиеся под ногами у коня, стремятся остановить его бег. Змеи, по правде говоря, понадобились скульптору для того, чтобы дать опору исполинской фигуре конного монарха, однако мысль эта не слишком удачна: на самом деле государю следует опасаться вовсе не зависти; не страшны ему и низкопоклонники, что же касается Петра I, то ему в течение всей его жизни угрожали только русские, тосковавшие по древним обычаям своей страны<sup>746</sup>. Впрочем, восхищение, которое питают к Петру в России до сих пор, доказывает, что он сделал ей много добра, ибо через сто лет после смерти деспотам не льстят<sup>747</sup>. На пьедестале статуи написано: «Петру Первому Екатерина Вторая». Надпись простая, но гордая и, главное, справедливая. Два исполина научили русских гордиться собой, а внушить нации, что она непобедима, значит сделать ее такой по крайней мере в родных стенах, ибо завоевание есть случайность, зависящая, возможно, более от ошибок побежденных, нежели от гения победителей.

На следующий день после приезда в Петербург я отправилась на обед к одному из самых почтенных здешних негоциантов<sup>748</sup>; человек этот гостеприимен по-русски, иначе говоря, он вывешивает на крыше своего дома флаг, извещающий об обеде, и этого приглашения довольно для всех его друзей и для друзей его друзей<sup>749</sup>. Обедали мы на вольном воздухе; хозяин дома спешил насладиться последними днями здешнего жалкого лета, так непохожего на то, что называют летом на юге Европы.. Сад имеет вид весьма приятный, деревья и цветы радуют взор, однако отойдите на два шага от его ограды, и вы снова окажетесь либо в пустыне, либо в болоте. Природа в окрестностях Петербурга — заклятый враг человека; стоит на мгновение прекратить борьбу с нею, как она немедленно вновь вступает в свои права.

На следующее утро я побывала в Казанской церкви<sup>750</sup>, построенной при Павле I по образцу собора Святого Петра в Риме. Внутренность Церкви, украшенной множеством гранитных колонн, прекрасна, однако само здание производит впечатление тягостное именно потому, что напоминает собор Святого Петра, но отличается от него тем сильнее, чем больше создатель его стремился подражать римскому оригиналу. Невозможно построить за два года то, на что у величайших мастеров ушло полтора столетия. Русские желали бы своей стремительностью победить не только пространство, но и время, однако время сберегает лишь то, что на нем же и зиждется, а изящные искусства не меньше вдохновения, кажущегося главным их источником, нуждаются в мысли.

Из Казанской церкви я направилась в монастырь Святого Александра Невского, носящий имя одного из прославленнейших героев России, который расширил ее пределы до берегов Невы. Останки его покоятся в серебряной гробнице, сделанной по велению императрицы Елизаветы, дочери Петра I; у русских есть обычай класть на эту гробницу монету и просить святого об исполнении желаний<sup>751</sup>.

Я попросила святого за императора, носящего то же имя. В ту пору я еще не видела этого Александра, наилучшего гражданина своей империи, но уже предчувствовала, что благополучие всего мира, и Франции в частности, зависит от успехов его войска. Что случилось бы с Европой, что случилось бы с несчастной Францией, одержи тиран новую победу? Из первой нации Европы, какой она была некогда, Франция окончательно превратилась бы в рабыню, ничем не отличающуюся от прочих поработанных народов: немцев, итальянцев, хорватов, иллирийцев — в которых ей приказывают видеть соотечественников.

В том же монастыре похоронен Суворов, однако гробницу его украшает одно лишь славное имя<sup>752</sup>; ему довольно и этого, что же касается русских, которым он оказал услуги столь драгоценные, они могли бы отнестись к его памяти с большим почтением. Впрочем, русские созданы для войны, и потому подвиги на воинском поприще изумляют их меньше, чем представителей других наций. На кладбище при церкви Александра Невского похоронены особы, принадлежащие к самым знатным родам российским, однако среди надгробных памятников нет ни одного сколько-нибудь примечательного: все они заурядны как произведения искусства и не потрясают воображение великими мыслями. Вдобавок мысль о смерти мало трогает русских: то ли от бесстрашия, то ли от непостоянства чувств они чуждаются длительной скорби; зато они суеверны и набожны. Суеверия имеют касательство до земной жизни, религия — до жизни загробной; суеверия связаны с идеей рока, религия — с идеей добродетели; суеверными люди становятся из-за живости земных желаний, религиозными же делаются, когда этими желаниями жертвуют.

Г-н Румянцев, российский министр иностранных дел, осыпал меня любезностями, и я с сожалением размышляла о том, что ему как совершенному приверженцу Наполеоновой системы, следовало бы, подобно английским министрам, уйти в отставку после разрыва России с этой системой<sup>753</sup>. Конечно, в абсолютной монархии все решает воля государя, однако из уважения к собственному сану первый министр не должен, пожалуй, произносить слова, противоречащие тем, какие он ясно произносил накануне. Государь — это государство, а государство вправе изменять свою политику, когда обстоятельства того требуют, однако министр — всего лишь человек, человек же в вопросах первостепенной важности обязан придерживаться одного убеждения до конца жизни. Как бы там ни было, манеры г-на Румянцева и учтивость, с какою он принимает иностранцев, безупречны.

Я находилась в его доме, когда слуга доложил о приезде английского посланника лорда Тиркопнела<sup>754</sup> и адмирала Бентинка<sup>755</sup>, двух особ, чей облик весьма замечателен; то были первые англичане, возвратившиеся на континент, откуда изгнала их воля тирана. После десяти лет страшной борьбы, после десяти лет, на протяжении которых и в горе, и в радости англичане хранили верность своему политическому компасу — совести, они, наконец прибыли в страну, которая первой восстала против всемирной монархии. Их произношение, их простота, их гордость — все обличало совершенную правдивость, которую Наполеон сумел обогатить в глазах тех, кто читал лишь его газеты и слушал лишь его агентов. Пожалуй, даже противники Наполеона, проживавшие на континенте и обреченные постоянно слышать лживые речи, которыми император не переставал их морочить, в конце концов разуверались в собственных ощущениях. Сужу по себе: наслушавшись советов, продиктованных осторожностью либо низостью, которыми пропитано все в Наполеоновой империи, я зачастую переставала понимать, как относиться мне к моим убеждениям: хотя голос крови запрещал отречься от них, разум не всегда умел уберечь меня от стольких софизмов. Да будет благословенна Россия, где я смогла вновь услышать голос Англии — страны, с которой всякий, кто желает пользоваться уважением людей порядочных и уважать самого себя, обязан быть заодно.

Назавтра граф Григорий Орлов пригласил меня посетить остров, носящий его имя<sup>756</sup>. Остров этот — прелестнейший из всех невских островов: в саду у графа растут дубы, что в тамошних краях большая редкость. Граф и графиня Орловы<sup>756</sup> не жалеют денег на то, чтобы принимать иностранцев столь же просто, сколь и щедро; в их доме чувствуешь себя непринужденно, как в сельском приюте, но при этом наслаждаешься всеми плодами городской роскоши<sup>758</sup>. Граф Орлов — один из просвещеннейших русских вельмож; любовь его к отечеству так глубока, что ее нельзя наблюдать без волнения. В первый день, проведенный мною в его доме, было объявлено о заключении мира с Англией. Дело происходило в воскресенье, и в саду графа, открытом по этому случаю для посетителей, прогуливались многочисленные бородатые купцы, которые в России по-прежнему носят мужицкое, или, говоря иначе, крестьянское, платье. Некоторые из них слушали превосходный оркестр графа Орлова: в честь заключения мира музыканты сыграли английскую мелодию «God save the King» (Боже, храни короля) — песню свободы, рожденную в стране, где главным стражем этой свободы выступает сам монарх. Все мы были растроганы и живо рукоплескали этому гимну всех европейцев, ибо ныне Европу населяют лишь два разряда людей: те, кто служит тирании, и те, кто умеет ее ненавидеть. Граф Орлов подошел к бородатым русским купцам и объяснил им, что нынче празднуется заключение мира между Россией и Англией; бородачи осенили себя крестом и возблагодарили небо за то, что им вновь открывается доступ к морю<sup>759</sup>.

Остров Орлова окружен другими островами, которые петербургские вельможи и сама императорская чета избрали для летнего своего пребывания. Неподалеку расположен остров Строганова, владелец которого, известный богач, выписал из Греции древности, стоящие огромных денег<sup>760</sup>. При жизни Строганова дом его был открыт ежедневно и всякий, кто единожды побывал там, имел право прийти опять. Строганов никогда никого не приглашал отобедать или отужинать в определенный день; всякий, кого приняли в этом доме однажды, мог не сомневаться, что ему будут там рады всегда. Зачастую хозяин не знал половины гостей, сидевших за его столом, однако ему нравилось выказывать в гостеприимстве такую же щедрость, как и во всех прочих областях. Многие петербургские вельможи имеют сходные обыкновения. Понятно, что те наслаждения, какие мы во Франции получаем от беседы, русским незнакомы: гостей в каждом доме собирается слишком много, чтобы среди них мог возникнуть разговор сколько-нибудь серьезный. В хорошем обществе манеры у всех безупречные, познаний же русским дворянам недостает; вдобавок люди, постоянно ощущающие влияние деспотического двора и правительства, не настолько доверяют друг другу, чтобы изведать прелести задушевной беседы.

Большинство русских вельмож изыскивают с таким изяществом и с такой учтивостью, что поначалу нетрудно обмануться относительно остроты ума и глубины познаний собеседника или собеседницы. Первые фразы обличают в нем или в ней особу великого ума, однако столь вдохновляющее начало чаще всего не имеет продолжения. Русские не умеют вкладывать в разговор ни душу, ни ум; еще недавно они так боялись своих государей, что до сих пор так и не свыклись с мудрой свободой, которой обязаны характеру Александра.

Как я уже упоминала, русские почти никогда не говорят о том, что интересует их самих. Они любят литературу, и некоторые из здешних вельмож выказали на этом поприще немалые способности, однако русская публика недостаточно образованна для того, чтобы общее мнение на сей счет слагалось из суждений частных<sup>761</sup>. Русская нация от природы чересчур страстна для того, чтобы любить мысли сколько-нибудь отвлеченные; русских забавляют только факты; до сих пор у них не находилось ни времени, ни вкуса для перехода от фактов к обобщениям. Вдобавок всякая яркая мысль более или менее опасна при дворе, где все наблюдают друг за другом, причем наблюдают чаще всего с завистью. По всем этим причинам светское общение в России радует не блеском ума или задушевностью разговора, но утонченностью нравов и учтивостью форм.

Жители Востока прерывают молчание ради того, чтобы произнести слова любезные, но обыкновенно так же мало говорящие о существе дела, как если бы никаких слов не было произнесено вовсе. Эта блестящая и усладительная атмосфера доставляет много приятности, однако в ней невозможно ни научиться чему бы то ни было, ни развить свои способности, так что люди, проводящие жизнь таким образом, не приобретают никакой склонности к занятию предметами серьезными. Парижское общество было устроено иначе; кто не знает людей необразованных, которые, вращаясь в обществе аристократов и литераторов и слушая их беседы, разом и острые и серьезные, научались в свете тому, чего не могли почерпнуть из книг<sup>762</sup>?

Наконец я увидела государя, самодержавного волею законов и нравов, умеренного волею собственного характера. Вначале меня представили императрице Елизавете — ангелу-хранителю России; одного ее взгляда достало бы, кажется, чтобы покарать самых страшных злодеев или вознаградить самых отважных героев. Манеры у нее весьма сдержанные, но речи очень живые: силу и жар ее чувствам и мнениям сообщают мысли, исполненные великодушия. Разговор с императрицей имел для меня очарование неизъяснимое, рождаемое не величием сана собеседницы, но гармонией ее души; давно мне не доводилось встречать такого полного согласия между могуществом и добродетелью<sup>763</sup>

Я имела честь беседовать с императрицей, когда дверь отворилась и меня удостоил своим посещением император Александр. Более всего поразило меня в его лице выражение доброты и достоинства, которые, казалось, слились воедино и сделались решительно неразлучны. Тронула меня и благородная простота, с какой он в первых же фразах, мне адресованных, благоволил коснуться вопросов первостепенных. Я всегда почитала признаком посредственности боязнь обсуждать самое существо дела, свойственную большинству европейских государей; они опасаются произносить слова, могущие прозвучать всерьез и возыметь результат. Император Александр, напротив, говорил со мной так, как говорили бы английские государственные мужи, рассчитывающие на собственные стены, а не на крепостные стены, отгораживающие от мира, Император Александр, которого Наполеон попытался изобразить в ложном свете — человек умный и превосходно образованный. Не знаю, найдется ли в его империи хоть один министр также хорошо сведущий во всем, что касается до принятия решений государственных и до их исполнения. Он не скрыл от меня, что сожалеет об энтузиазме, который выказал в сношениях с Наполеоном<sup>764</sup>. Один из предков Александра питал сходные чувства к Фридриху Второму. Как однако ни заблуждались люди насчет прославленных полководцев, в основе подобных иллюзий всегда лежат чувства благородные.

Впрочем, император Александр описал с большой проницательностью действие, произведенное на него беседами с Бонапартом, в которых тот говорил вещи самые противоположные словно ожидая, что собеседник не замечая, что одна противоречит другой, будет умиляться каждой из них по отдельности. Рассказал он мне и об уроках, в духе Макиавелли, которые Наполеон счел приличным ему преподнести «Заметьте, говорил Наполеон, я стараюсь ссорить меж собой моих министров и генералов, чтобы они доносили мне друг на друга, я обращаюсь с приближенными как чтобы они без устали друг другу завидовали, сегодня один мнит себя в особой милости, завтра — другой, но никто из них не может быть уверен в моем расположении вечно. Теория разом и заурядная и скверная. Неужели рано или поздно не явится среди нас некто, стоящий выше этого человека, и не докажет ее бесполезность? Ради торжества своего священной дела нравственность обязана одерживать на земле блистательные победы. Тот, кто осознает все величие этого дела, с радостью пожертвует ему любыми успехами, однако тем гордецам которые принимают пороки души за глубину мысли, следует внушить, что если безнравственность выказывает ум от случая к случаю, добродетель исполнена гения всегда.

Убедившись в том, что император Александр в сношениях своих с Наполеоном был всегда чистосердечен, я в то же самое время верила, что он не последует примеру несчастных германских государей и не подпишет мира с врагом народов и королей. Человек твердый и прямодушный не может дважды принимать на веру одну и ту же ложь. Александр удаляет своей доверенности и лишает ее только по очень глубоком размышлении. В начале царствования молодость и красота нового императора могли дать повод подозревать его в легкомыслии, однако в душе он серьезен как бывают серьезные люди, познавшие несчастье. Александр, по его словам, сожалеет, что не обладает талантами полководца<sup>767</sup>, я отвечала на это признание, исполненное благородной скромности, что государей на свете меньше, чем полководцев, и что поддерживать своим примером дух нации значит одержать величайшую из побед — ту какой до сих пор еще никто не одерживал<sup>768</sup>. Император Александр с жаром рассказывал мне о своей нации и о том, на что она способна Упомянул он и о своем — известном всему свету — желании улучшить участь крестьян, до сих пор находящихся в крепостной зависимости<sup>769</sup> Ваше величество — отвечала я в вашей империи конституцией служит ваш характер, а порукой ее исполнению — ваша совесть<sup>770</sup> — Даже если это правда, — возразил он, — человек — не более чем счастливая случайность. Великолепные слова, каких, я полагаю, не произносил до сего о дня ни один самодержец! Сколько добродетели потребно, чтобы осудить деспотизм, будучи деспотом, сколько добродетели необходимо, чтобы ни разу не употребить во зло абсолютную власть в стране, где сами подданные изумляются умеренности столь редкостной!<sup>771</sup>

В Петербурге, например, вельможи исповедуют принципы куда менее либеральные, чем сам император<sup>772</sup>. Привыкнув самовластно распоряжаться судьбою своих крестьян, они ради поддержания системы деспотизма ждут от монарха правления столь же самовластительного. Третьего сословия в России пока не существует, однако постепенно оно начинает здесь образовываться, принадлежащими к нему могут считаться сыновья священников и купцов, а также редкие крестьяне, получившие от своих господ право заниматься изящными искусствами. Вдобавок русское дворянство непохоже на дворянство немецкое и французское. В России дворянином становится всякий, кто получил военное звание<sup>773</sup>. Становится здесь дворянином и всякий, кого этой милости удостоит император<sup>774</sup>. Разумеется, знатные роды, каковы Нарышкины, Долгорукие, Голицыны и проч, будут всегда занимать в империи первые места, тем не менее аристократические преимущества в России принадлежат людям, в один прекрасный день возведенным в дворянское достоинство по воле монарха, а все буржуа мечтают, чтобы сыновья их сделали офицерами и тем самым вошли в сословие привилегированное. Посему всякая учеба прекращается в пятнадцать лет, юноши стремятся как можно скорее вступить в военную службу, всем же прочим пренебрегают. Теперь, разумеется, не время бранить порядок вещей, следствием которого сделали подвиги столь прекрасные, однако если в Европе вновь установится мир, можно будет заметить, не погрешив против истины, что в гражданском отношении внутреннее устройство России страдает покамест большими несовершенствами. Русские полны энергии и величия, однако зачастую как в управлении страной, так и в жизни частной им недостает порядка и образованности. Петр I, сделав Россию державой европейской, сообщил ей, без сомнения, большие преимущества, однако взамен окончательно покорил Россию деспотическому правлению, начала которого заложил еще его отец. Екатерина II, напротив, пользовалась предоставленной ей абсолютной властью с большой умеренностью. Способствуй политические обстоятельства установлению в Европе мира, иначе говоря, перестань земля страдать от зла, которое сеет на ней один-единственный человек, Александр мог бы заняться исключительно усовершенствованием собственной своей державы и сочинением таких законов, которые обеспечили бы России благополучие только при жизни нынешнего ее правителя.

От императора я направилась в покои почтенной его матушки, которая посвятила всю свою жизнь супругу, детям и несчастным беднякам, ею покровительствуемым, даже клеветники ни разу не упрекнули вдовствующую императрицу в измене этим чувствованиям<sup>775</sup>. Ниже я расскажу о том, как управляет она империей милосердия, располагающейся в самом сердце империи ее всемогущего сына<sup>776</sup>. Императрица-мать живет в Таврическом дворце, выстроенном для князя Потемкина, путь в ее покои пролегает через обширную залу, своды которой и поддерживает центральная колоннада. Половина залы занята зимним садом, цветы и деревья виднеются между колонн<sup>777</sup>. Все в этом дворе колоссально. Князь, его построивший, питал замыслы странные и исполинские<sup>778</sup>. Он возводил города в Крыму исключительно ради того, чтобы императрица, проезжая мимо, бросила на них взгляд<sup>779</sup>, он приказывал взять город штурмом ради того, чтобы доставить удовольствие красавице княгине Долгорукой, чьего сердца эти старания не тронули<sup>780</sup>. Потемкина сделали тем, чем он стал, милости его государыни, впрочем, нечто своенравное, буйное и насмешливое разом, отличало большинство великих людей России, таких, как Меншиков, Суворов и сам Петр I, а еще прежде Иван Васильевич. В уме видели они не источник наслаждений, а орудие борьбы, путеводителем же служила им собственная фантазия. Великодушие и варварство, необузданные страсти и суеверные страхи — все смешивалось в характере одного человека. По сей день даже самые родовитые из русских не принадлежат цивилизации в полной мере, одни походят внешне на французов другие — на немцев, третьи — на англичан, но в душе все они русские и это-то составляет их силу и самобытность, ведь любовь к отечеству есть, после любви к Богу, прекраснейшее из всех чувств, какие способен испытывать человек. Что же касается отечества, то оно вызывает привязанность истинно глубокую, лишь будучи во всем отличным от стран сопредельных, народы, живущие по соседству и схожие меж собою многими чертами, могут объединиться и присвоить новосозданному союзу имя отечества, однако полюбить эту философическую химеру они не в силах<sup>781</sup>.

Целый день я провела в загородном доме обер-камергера г-на Нарышкина<sup>782</sup>, человека любезного, покладистого и учливого, но не могущего прожить ни дня без празднества, имея дело с ним, можно составить исчерпывающее представление о живости вкусов, объясняющей недостатки и достоинства русских. Дом г-на Нарышкина всегда открыт, если в нем не гостят два десятка человек, философическое уединение становится хозяину в тягость. Предупредительный с иностранцами, ни минуты не сидящий на месте и тем не менее в высшей степени способный к размышлениям, без которых невозможно правильно держать себя при дворе, готовый скорее раздарить все свое состояние, нежели расплатиться с кредиторами, жадный до радостей воображения и умеющий черпать их лишь из вещей, но не из книг, скужающий повсюду, кроме придворных зал, остроумный тогда, когда ему это выгодно, любящий роскошь более из щедрости, нежели из тщеславия, он ищет повсюду некоего азиатского великолепия, говорящего более о его богатстве и положении в обществе, нежели о достоинствах, присущих ему лично. Поместье его

приятно взору настолько, насколько может быть приятна природа, преображенная рукою человека, это истинный оазис посреди окружающих бесплодных болот. С террасы можно увидеть Финское море и дворец, построенный на его берегу Петром, однако путь к морю и дворцу пролегает через земли, вовсе не возделанные, кроме парка г-на Нарышкина, взору здесь отдохнуть негде<sup>783</sup>. Обед нам был подан в молдавском доме, иначе говоря, в зале, выстроенной во вкусе молдавского народа, задуман этот дом так, чтобы предохранять от лучей палящего солнца — предосторожность в России, пожалуй, излишняя. Впрочем, русские имеют вид людей, оказавшихся на севере лишь волею случая, и мысль эта потрясает воображение приезжего до такой степени, что он не удивляется, обнаруживая южные привычки у северных жителей, которые, кажется, призваны однажды преобразить петербургский климат в тот, какой отличал их древнюю родину. Стол у г-на Нарышкина, по восточному обыкновению, ломился от фруктов, с той лишь разницей, что фрукты эти прибыли сюда из самых разных стран, что же касается мяса и овощей, то многочисленные слуги подносили их каждому гостю особо.

Нам довелось услышать роговую музыку, которая звучит только в России и о которой рассказывали многие путешественники<sup>784</sup>. Каждый из двух десятков музыкантов играет одну-единственную ноту и носит имя этой ноты. Про них так и говорят: «Вот соль, ми или ре г-на Нарышкина». Каждый рог издает звук более низкий, чем предыдущий, поэтому некто имел все основания назвать этот оркестр *живым органом*. Издали роговая музыка производит прекраснейшее впечатление, точность и красота гармонии рождает мысли самые благородные, однако стоит подойти поближе к несчастным музыкантам низведенным до роли органных труб и лишенным возможности вложить собственные чувства в тот единственный звук, который издаст каждый из них, как удовольствие ослабевает, неприятно видеть превращение искусства в механику, которой музыкантов учат силой, словно солдат на плацу. Затем жители Украины, одетые в красное платье и носящие на лицах отпечаток восточного происхождения, исполнили нам песни своей родины, порою веселые, порою печальные, порою и веселые и печальные разом, но неизменно приятные для слуха. Песни эти внезапно обрываются на середине музыкальной фразы, словно певцы отказываются продолжать мелодию, поначалу их пленившую, или же полагают, что очарование ее окажется куда сильнее, если певец замолкнет в минуту своего наивысшего торжества. Так султанша из «Тысячи и одной ночи»<sup>784</sup> неизменно прерывает свои рассказы на самом интересном месте.

Среди этих разнообразных усадьб г-н Нарышкин произнес тост за успех русской и английской армий; в ту же минуту он дал сигнал своей артиллерии, почти столь же громкозвучной, что и артиллерия государя. Всех присутствующих охватило упоение надежды; у меня на вернулись на глаза слезы. Вот до чего довел меня африканский тиран я ждала поражения французов! «Пожелаем же, — сказала я тогда, — пожелаем же, чтобы корсиканцы были разбиты, ибо если они проигрывают, верх возьмут настоящие французы!» И англичане, и русские, из них первым г-н Нарышкин, разделили мое чувство, так что имя Франции, прежде подобное имени Армиды<sup>786</sup>, вновь было благосклонно выслушано рыцарями Востока и воинами моря, которым предстояло сразиться с этой самой Францией, а вернее сказать, снять с нее заклятье ада, сковавшее ее по рукам и ногам.

Русские вельможи воспитывают в своих домах плосколицых калмыков, словно желая иметь перед глазами напоминание о тех татарах, над которыми славяне одержали победу. По дворцу Нарышкина бегали два или три таких диких язычника-калмыка<sup>787</sup>. В детстве они очень милы, но к двадцати годам полностью утрачивают очарование молодости; эти рабы бесконечно упрямы и непокорностью своею забавляют хозяев, которые смотрят на них, точно на белку, пытающуюся выбраться из клетки. Мне не слишком понравилось подобное унижение человеческой природы; явление калмыков среди блистательной роскоши было, казалось, призвано напомнить о том, чем может сделаться человеческое существо, если ни религия, ни законы не сообщают ему достоинства; зрелище это умаляло гордость, которую обычно внушает нам великолепная пышность.

После обеда в длинных колясках, запряженных белыми лошадьми, мы отправились на прогулку по парку. Дело происходило в конце августа; небо, однако, было бледным, а газоны, цвет которых казался почти неестественным, зеленели лишь благодаря неустанным усилиям садовников. Даже цветы казались аристократической прихотью, слишком дорогой ценой доставались они их владельцам. В лесах не слышалось пения птиц: они не доверяли столь быстротечному лету; на лугах не паслись стада: кто бы позволил им топтать растения, выращенные с таким трудом! Вода в парк поступала лишь с помощью специальных машин, одним словом, природа здесь повсюду имела вид декорации, которая исчезнет, лишь только праздник кончится и зрители разойдутся по домам<sup>788</sup>. Коляска наша остановилась подле садовой постройки, изображающей татарский лагерь; тут вновь заиграла музыка, и звуки рогов и кимвалов погрузили душу в сладостное забытие. Дабы забыться окончательно, русские, зимой разъезжающие по снегу в санях и вознаграждающие себя быстрой ездой за тяготы этого времени года, доставляют себе схожее удовольствие летом: усевшись на деревянную доску, они в мгновение ока скатываются с высокой горки<sup>789</sup>. Забава эта пленяла женщин в той же степени, что и мужчин, и позволяла первым хотя бы отчасти

разделить со вторыми радости войны, рождаемые острым ощущением опасности и стремительностью всех движений. В подобных занятиях проводили мы день за днем, ибо то, что я принимала за праздничные увеселения, повторяется у русских едва ли не ежедневно.

За немногочисленными исключениями, во всех домах петербургской знати заведен один и тот же порядок; разумеется, ни о каких серьезных беседах здесь не может быть и речи<sup>790</sup>; в обществе такого рода образованность не нужна решительно никому, однако если уж люди выказывают столь сильное желание собрать у себя великое множество гостей, единственным способом предохранить их от неизбежной скуки остается устройство празднества.

Да есть ли среди всех этих шумных забав место для любви? спросят итальянки, убежденные, что бывать в свете следует лишь ради того, чтобы увидеться с тем, кого хочешь покорить. Я провела в Петербурге чересчур мало времени, чтобы составить себе верное представление о делах семейственных. Однако мне показалось, что, с одной стороны, нравы русских более добродетельны, чем о том говорят, с другой же стороны, чувство любви им известно мало<sup>791</sup>.

В России на каждом шагу дают себя знать азиатские обыкновения, вследствие которых женщины не имеют никакого влияния в домашнем быту; всем ведает муж, жене же только и остается, что наряжаться в подаренные супругом платья и принимать приглашенных им гостей<sup>792</sup>. Нынче в Петербурге уважают внешние приличия куда больше, нежели во времена тех государей и государынь, которые развращали общество собственным своим примером<sup>793</sup>. Обе нынешние императрицы подают пример совсем другого рода и внушают подданным любовь к добродетели.

Однако в этом отношении, как и во многих других, принципы Нравственности запечатлены в умах русских не вполне твердо. Влияние верховного правителя всегда было в России так велико, что при переходе от одного царствования к другому убеждения всех подданных переменялись совершенно. И мужчины, и женщины в этой стране предаются любви с той горячностью, какая вообще им свойственна, однако по непостоянству ума своего легко отказываются от недавних предпочтений. Некий беспорядок воображения не позволяет им ни в одной сфере наслаждаться верностью предмету, первоначально избранному. Образованность ума, изошряющая чувства посредством поэзии и изящных искусств, среди русских большая редкость, а потому натуры эти, своенравные и пылкие, охотнее видят в любви повод для пышного празднества и исступленного восторга, нежели привязанность глубокую и обдуманную.

Итак, светская жизнь в России есть нескончаемый вихрь людей и забав; быть может, непривычка русских к обсуждению в обществе предметов сколько-нибудь значительных есть не что иное, как следствие великой осторожности, к которой приучает людей правление, деспотическое. Именно этой сдержанностью, которая при иных царствованиях была им более чем необходима, и объясняется, по-видимому, нежелание говорить правду, им приписываемое. Раболепство во всякой стране лишает человека искренности, однако там, где государь имеет право причинить подданному самое страшное зло, выслать его, заключить в темницу, отправить в Сибирь и проч., власть его над большинством людей чересчур велика. Находились люди довольно гордые, чтобы пренебречь царскими милостями, однако не бояться гонений способны одни лишь герои, а требовать героизма от всех невозможно! Впрочем, все эти наблюдения совершенно неприменимы, как известно, к нынешнему царствованию, ибо император, правящий Россией сегодня, безусловно справедлив в деятельности государственной и в высшей степени великодушен в жизни частной. Однако пороки подданных, рожденные рабством, не исчезают очень долго, даже если искоренить их стремится сам государь. Впрочем, в продолжение войны с Францией русские, даже принадлежащие к числу придворных, выказали величайшую отвагу В ту пору, когда я находилась в Петербурге. в свете почти вовсе не было заметно юношей; люди женатые, единственные сыновья, владельцы огромных состояний — все по собственной охоте вступили в армию; узнав же, что имущества их и дома разграблены врагом, мечтали только о мести и не допускали даже мысли о капитуляции. Такие достоинства заставляют забыть обо всех изъянах злоупотреблениях и беспорядках, какие порождаются правлением, во многом еще несовершенным, недавним приобщением к цивилизации и царящими в стране деспотическими установлениями.

Мы побывали в кабинете естественной истории, особенно значительном благодаря выставленным там товарам из Сибири<sup>794</sup>. Русские показали себя такими же жадными до сибирских мехов, как испанцы до мексиканского золота. Некогда в России разменной монетой служили куньи или белчиьи шкурки<sup>795</sup>: ведь зимние холода грозили всем без исключения. Главное сокровище петербургского музея — скелет мамонта, исполинского животного, останки которого были найдены в Сибири. Если верить наблюдениям остроумнейшего из естествоиспытателей, г-на Кювье, история нашего мира насчитывает гораздо больше лет, чем мы думаем<sup>796</sup>: бесконечное во всех сферах внушает страх. Людей и даже животных, населяющих ныне эту оконечность обитаемого мира, кажется, вечно пробирает холод, истребляющий все живое на расстоянии нескольких лье от их родных краев; животные здесь белы, как снег, а земля теряется во льдах и туманах, которыми кончается мир сотворенный.

Меня поразила вид жителей Камчатки, чье изображение в натуральную величину выставлено в музее. В тех краях живут импровизаторы, именуемые шаманами; поверх одеяния из древесной коры они носят нечто вроде стальной сети, к которой привязаны многочисленные кусочки железа, производящие при каждом движении импровизатора очень громкий шум; народ уважает шаманов, чьи порывы вдохновения весьма схожи с нервными припадками, не столько за поэтические таланты, сколько за колдовские способности<sup>797</sup>. В этом печальном краю воображение возбуждается лишь посредством страха; сама земля, кажется, отталкивает человека, ибо внушает ему ужас.

Затем я осмотрела крепость и церковь, где похоронены все российские правители после Петра Великого. Над их могилами нет никаких памятников; гробы стоят в храме точно так, как стояли в день похорон, и кажется, будто нас отделяет от покойников лишь тонкая деревянная перегородка<sup>798</sup>. Павел I, вступив на престол, короновал останки своего отца, Петра III, который, не удостоившись этой чести при жизни, не имел права на место в крепости. По приказу Павла погребальную церемонию устроили заново для его отца и матери, Екатерины Второй. Останки обоих были привезены в церковь, и четыре камергера стояли подле них в почетном карауле, как если бы и государь, и государыня испустили дух накануне; два гроба соседствуют и поныне, так что в царстве смерти покойники обречены жить в мире<sup>799</sup>.

Не один из преемников Петра I, унаследовавших от него деспотическую власть, лишился ее вследствие кровавого мятежа. Те самые царедворцы, которые не смеют сказать своим повелителям единственное слово правды, умеют плести против них заговоры и мастерски владеют искусством притворства: государя, которого хотят убить, необходимо сперва уверить в глубочайшем почтении. Впрочем, что случилось бы со страной, управляемой деспотически, не страшись тиран, презирающий любые законы, удара кинжала? Ужасная мысль: ее одной достанет, чтобы изъяснить сущность порядка, при котором равновесие политических сил обеспечивается преступлением<sup>800</sup>.

Я отдала дань уважения памяти Екатерины Второй, побывав в ее загородной резиденции Царское Село<sup>801</sup>. Дворец и сад поражают изысканностью и роскошью, однако, хотя дело происходило в самых первых числах сентября, было уже весьма прохладно, и северный ветер составлял разительный контраст южным цветам, им колеблемым. Цветы эти можно сравнить с русской нацией, также переселенной в край, чуждый ее нравам. Все, что известно о Екатерине Второй как правительнице, вызывает восхищение<sup>802</sup>; не знаю, кому более обязаны русские сознанием собственной непобедимости, тем сознанием, что лежит в основе их триумфов, — Екатерине или Петру I. Очарование женщины умеряло в Екатерине Второй твердость властительницы и придавало подвигам, совершаемым в ее честь, оттенок рыцарской учтивости. В деяниях государственных императрица эта выказывала, безупречный здравый смысл; будь ее высокий ум более блестящим, он бы меньше походил на гений и внушал бы меньшее почтение русским, которые не доверяют собственному воображению и рады покорить его воле мудрого владыки. Неподалеку от Царского Села расположен дворец Павла I — очаровательный уголок, свидетельствующий о талантах и превосходном вкусе вдовствующей императрицы и ее дочерей. Вид этого дворца обличает восхитительное терпение матери и дочерей, которых ничто не могло лишить добродетелей семейственных<sup>803</sup>.

Созерцая всякий день новые предметы, я получала живейшее наслаждение и, к удивлению моему, даже забыла о войне, от которой зависела судьба Европы. Так радостно мне было слышать из всех уст выражение тех чувств, какие я столь долгое время таила в своей душе, что мне показалось, будто бояться уже нечего: ведь если подобные истины известны всем, они делаются всемогущи. Между тем, хотя публике о том не сообщали, дела шли все хуже и хуже. Человек острого ума сказал, что в Петербурге всё окутано тайной, хотя ничто не остается в секрете; в самом деле, рано или поздно истина, конечно, становится известна всем, однако привычка к молчанию так сильна в русских царедворцах, что они скрывают сегодня то, что должно стать явным завтра, а если о чем-нибудь и проговариваются, то лишь невольной<sup>804</sup>. Что касается меня, то я узнала о взятии Смоленска и об опасности, нависшей над Москвой, от одного иностранца<sup>805</sup>. Меня охватило отчаяние. Я решила, что прискорбная история Австрии и Пруссии, которые после захвата их столиц пошли на мир с Францией, повторится в России. Хотя все знали, к чему приводит такая политика, трюк этот мог удасться Наполеону и в третий раз. Я не понимала настроения русского общества; непостоянство внешних проявлений, отличающее русских мешало мне разгадать их истинные чувства. Уныние сковало все умы, в ту пору я еще не знала, что у русских, людей неистовых, уныние очень скоро сменяется страшным приливом сил. Сходным образом простолюдины предаются невообразимой лени до той поры, пока в душе их не пробуждается жажда деятельности, с этой минуты они не желают знать никаких преград, не боятся никаких опасностей и, кажется, преодолевают сопротивление не только людей, но и стихий.

Я знала, что люди, служащие по ведомству внутренних дел, занимающиеся делами военными и судебными, нередко оказываются в высшей степени продажными и что из-за растрат, совершаемых мелкими чиновниками, невозможно составить ясного представления ни о численности войск, ни о мерах, принятых для закупки провианта, ибо воровство и лож нераздельны, а в стране, для которой цивилизация еще внове, третий, промежуточный класс не имеет ни простоты крестьян, ни величия бояр; класс этот, появившийся в России совсем недавно, перестал чтить религию, но еще не научился боготворить честь, так что общественное мнение повлиять на него бессильно. Вдобавок генералов мучила зависть. Деспотический правитель даже помимо воли, по одной своей природе, не может не насаждать зависти в сердцах своих приближенных: там, где воля одного человека может полностью переменить судьбу каждого из тех, кто ему подчинен, страх и надежда имеют над людьми слишком большую власть, чтобы не волновать их постоянно; в нынешних же обстоятельствах зависть подогревалась другим чувством — ненавистью к иностранцам. Человек, командовавший русской армией, г-н Барклай де Толли, хотя и родился на территории империи, не принадлежал вполне к славянскому племени, и этого достало, чтобы отказать ему в праве вести русских к победе; вдобавок он посвятил свои выдающиеся способности устройству лагерей, ведению маневров и оборудованию позиций, меж тем как русские знают единственный способ воевать — наступление<sup>806</sup>. Приказать им отступить, даже из расчета мудрого и хорошо обдуманного, значит охладить тот пыл, какой и составляет всю их силу.

Итак, начало кампании сопровождалось предзнаменованиями самыми безрадостными, молчание же, хранимое на сей счет в обществе, страшило еще сильнее. Англичане после каждого сражения помещают в своих газетах самые точные известия о числе раненых, попавших в плен и убитых — благородное чистосердечие правительства, дающего столь откровенный отчет не только монарху, но и народу, а стало быть, признающее за тем и другим равные права на осведомленность о состоянии дел общественных<sup>807</sup>. С великой грустью прогуливалась я по Петербургу; меня удручала мысль о том, что этот прекрасный город может стать добычей завоевателя. Возвращаясь вечером с островов и глядя на серебристый шпиль крепости<sup>808</sup>, подобный огненному лучу в небесах, или любуясь отражением мраморных набережных и прекрасных дворцов в водах Невы, я воображала все эти сокровища оскверненными надменностью одного человека, который получил бы возможность возгласить, как Сатана на вершине горы: «Власть над царствами Азии предана мне»<sup>809</sup>. Все, что было в Петербурге хорошего и красивого, казалось мне обреченным на скорую гибель, и я не могла отделаться от этого горестного предчувствия.

Пока я осматривала воспитательные заведения, учрежденные императрицей, тревога моя лишь усилилась, ибо стоит институтам, ее созданным ради улучшения человеческого рода, попасть под пяту этого человека, как все в них будет навек отравлено. По полторы сотни, девиц из семей дворянских либо мещанских, воспитываются в двух заведениях под надзором императрицы с таким тщанием, какого не встретишь в ином богатом семействе<sup>810</sup>. Во всем заметны порядок и утонченность; воспитанницам вначале внушают чистейшие религиозные и нравственные чувства, а после преподают изящные искусства, призванные изодрать в их душах чувство прекрасного. Русские женщины от природы так грациозны, что среди приветствовавших нас девушек я не увидела ни одной, которая не вложила бы в свой реверанс всей учтивости и скромности, какую это простое движение способно выразить. Юные эти особы показали нам разнообразные свои таланты, причем одна из них, знающая наизусть отрывки из лучших французских авторов, продекламировала мне красноречивейшую страницу из «Курса

религиозной морали», написанного моим отцом<sup>811</sup>. Столь трогательный знак внимания исходил, возможно, от самой императрицы; как бы там ни было, я испытала сильнейшее волнение, слушая речи, которые уже много лет находили прибежище только в моем сердце.

В любой стране, располагающейся за пределами империи Бонапарта, воздают должное тем, кого императорская клевета преследует даже в могиле; для них наступает время посмертной славы. Перед тем как сесть за стол, юные воспитанницы Института святой Екатерины запели псалмы; хор голосов столь чистых и столь нежных внушил мне умиление, смешанное с горечью. Что сделает с этими мирными заведениями война? Где укроются эти голубки от полчищ свирепого завоевателя-святоотатца?

После трапезы воспитанницы собрались в великолепной зале и начались танцы. Девушки не отличались особенной красотой, но грациозность их никого не могла оставить равнодушным; нравы этих дочерей Востока отмечены той благопристойностью, какую сообщило женскому полу христианство<sup>812</sup>. Вначале они исполнили старинный танец под музыку песни «Да здравствует Генрих Четвертый, да здравствует храбрый король!». Как много лет пролегло между временами, о которых повествует эта песня, и нынешним днем! Под конец две круглолицые девочки лет десяти порадовали нас русской пляской; танец этот порой носит на себе отпечаток любовного сладострастия однако невинные дети выразили в нем одну лишь национальную самобытность. Невозможно даже вообразить, как трогают душу эти любезные таланты, взращенные чуткой и великодушной рукою женщины и государыни. В ведении императрицы находятся также институт для глухонемых и другой — для слепых. Со своей стороны, император уделяет большое внимание школе для юношей, которой управляет человек выдающегося ума, генерал Клингер<sup>813</sup>.

Заведения столь полезные достойны всяческих похвал; единственный их недостаток — это, пожалуй, излишняя пышность. Во всяком случае, следует пожелать, чтобы в разных концах империи были основаны школы пусть не столь блистательные, но, по крайней мере, такие, где простолюдины могли бы получить хотя бы начатки знаний. В России все началось с роскоши, так что крыша, можно сказать, построилась раньше фундамента<sup>814</sup>.

В России всего два больших города: Петербург и Москва. Прочие почти не заслуживают упоминания; вдобавок между ними пролегают огромные пространства. Даже поместья вельмож располагаются так далеко одно от другого, что помещики видятся крайне редко. Одним словом, жители этой империи рассеяны по ее поверхности, и познания одних почти никогда не приносятся другим. Крестьяне считают только с помощью деревянных шариков<sup>815</sup>, да и почтовые чиновники также нередко следуют этой методе. Православные попы куда менее образованны, чем католические кюре, не говоря уже о протестантских пасторах, а потому русские священники имеют меньше возможностей для просвещения своего народа, нежели священнослужители других стран Европы. Русских связуют узы религии и патриотизма, однако у них нет источника, откуда свет знаний распространялся бы во все уголки империи; ни одна из двух столиц не способна пока сообщить провинциям те сокровища литературы и искусства, какими богата она сама. Наслаждайся Россия миром, под благодетельным управлением Александра в жизни ее наступили бы всевозможные перемены к лучшему. Впрочем, кто знает, не принадлежат ли достоинства, вызываемые к жизни нынешней войной, к числу тех, что призваны возрождать нации?

До сих пор люди гениальные встречались в России только среди военных; во всех прочих искусствах русские пока не более чем подражатели; впрочем, страна их узнала книгопечатание всего сто двадцать лет назад<sup>816</sup>. Все прочие народы Европы приобщились к цивилизации приблизительно в одно и то же время и смогли соединить природный гений с познаниями благоприобретенными: у русских же для соединения этого время еще не пришло; подобно тому как порой две реки текут рядом, не смешивая свои воды, природа и цивилизация у русских существуют раздельно, отчего один и тот же человек предстает перед вами, смотря по обстоятельствам, то европейцем, действующим, кажется, лишь в согласии с законами общества, то славянином, слушающим лишь голоса самых неистовых страстей. Гениальные художники, а главное, литераторы появятся в этой стране, когда русские отыщут способ высказывать истинную свою природу в словах так же, как выказывают они ее в поступках.

Я побывала на представлении русской трагедии «Димитрий Донской», посвященной победе русских над татарами, которых они принудили отступить за Казань. Князя смоленский и тверской выходили на сцену в старинном боярском платье и вели речь о татарском войске, которое именовали *Золотой Ордой*. Название это вполне подошло бы и корсиканской армии, и я видела, как трепетала публика на представлении этой пьесы, почти во всем верной правилам французского драматического искусства; ритм стихов, декламация, деление па сцены — все исполнено совершенно по-французски; лишь одно положение в пьесе вытекает из русских нравов — это беспредельный ужас, который внушает девушке мысль об отцовском проклятии<sup>817</sup>. Русский народ чтит власть отца почти так же глубоко, как китайский, а истоки национального гения следует искать именно в народе. Хорошее общество сходно во всех странах; в этом царстве изящества предметов для трагедии не сыщешь<sup>818</sup>. Среди всех сюжетов, какими богата история России, один поразил меня особенно сильно. Иван Грозный, будучи уже в летах, осаждал Новгород.

Бояре, видя, что он слабеет, спросили, не угодно ли ему поручить командование штурмом сыну. Предложение это привело царя в ярость, которую ничто не могло умирить. Сын бросился к ногам отца; тот оттолкнул его с такой силой, что два дня спустя несчастный испустил дух. Отец, впав в отчаяние, не помышлял более ни о войне, ни о власти и лишь на несколько месяцев пережил сына. Бунт старого деспота против закона природы — эпизод в высшей степени значительный и торжественный; видя, как в свирепой душе тирана злоба уступает место нежности, мы понимаем, каким вышел человек из рук создателя — порою движимым любовью к самому себе, порою одушевляемым привязанностью к ближнему<sup>819</sup>.

Русский закон карал с одинаковой строгостью и убийцу, и того, кто всего лишь изувечил ближнему руку<sup>820</sup>. Ведь человек в России ценится преимущественно по его воинским способностям; все прочие виды деятельности связаны с нравами и установлениями, в России ныне еще не развившимися. Впрочем, женщины в Петербурге проникнуты, кажется, тем патриотическим чувством, которое сообщает государству нравственную мощь. Княгиня Долгорукая, баронесса Строганова<sup>821</sup> и многие другие, также весьма родовитые дамы<sup>822</sup> уже получили известия о том, что большая часть их поместий в Смоленской губернии разорена, однако они, казалось, вспоминали о своих утратах лишь для того, чтобы побудить своих соотечественниц также пожертвовать всем своим состоянием. Княгиня Долгорукая рассказала мне о длиннородом старце, который, глядя на Смоленск с близлежащего холма, со слезами говорил внуку, сидевшему у него на коленях: «Прежде, дитя мое, русские одерживали победы на другом конце Европы; теперь чужестранцы теснят их на родной земле». Старец горевал не даром; вскоре мы увидим, как отомстили русские за его слезы.

### Отъезд в Швецию

В Петербурге распространилась весть, что император Александр отправился в Або для свидания с генералом Бернадотом, шведским наследным принцем. С этой минуты сомнений относительно того, на чьей стороне этот принц собирается выступить в нынешней войне, оставаться не могло; между тем от его решения зависела участь России, а следовательно, и всей Европы. Впоследствии мы увидим, какое влияние оказало оно на ход событий. Во время встречи шведского принца и российского императора до Або дошло известие о взятии Смоленска; именно в этот день Александр дал самому себе и своему шведскому союзнику обещание ни при каких обстоятельствах не подписывать мир с Наполеоном. «Если неприятель захватит Петербург, — сказал он, — я отступлю в Сибирь. Там я воскрещу древние русские обычаи, и, уподобившись нашим длиннородым предкам, мы отобьем Россию у врага». — «Это решение принесет свободу Европе!» — вскричал шведский принц. Его предсказание исполнилось<sup>822</sup>.

Я вторично увидела императора Александра после его возвращения из Або, и свидание, которым он меня удостоил, вселило в меня такую убежденность в твердости его воли, что, несмотря на взятие Москвы и все слухи, какие оно породило, я ни единого мгновения не верила в то, что он уступит неприятелю. Он благоволил сообщить мне, что после взятия Смоленска генерал Бертье написал одному из русских генералов письмо касательно некоторых военных дел и закончил его извещением о том, что император Наполеон по-прежнему испытывает самые дружеские чувства к императору Александру, — пошлое глумление, которое российский император оценил по заслугам<sup>823</sup>. Наполеон преподавал Александру уроки военные и политические, движимый в первом случае шарлатанством порока, а во втором — желанием хвастать презрительной беспечностью. Он ошибся насчет характера Александра; благородство натуры российского императора он принял за плутовство и не понял, что если этот государь сверх меры восхищался им, Наполеоном, то лишь потому, что почитал его сторонником принципов Французской революции, согласных с собственными его убеждениями; что же касается до порабощения Европы в союзе с Наполеоном, об этом Александр не помышлял никогда. Наполеон считал, что сумеет в этом случае, как и во многих других, ввести собеседника в заблуждение, расписав ему выгоды, какие его якобы ожидают, однако он обманулся в своих намерениях, ибо в лице Александра встретил человека совестливого; между тем совесть — добродетель, силы которой Наполеон не знает и потому никогда не принимает в расчет.

Хотя г-н Барклай де Толли пользовался немалым уважением, неудачи в начале кампании отвратили от него общественное мнение, которое прочило ему на смену генерала весьма славного, князя Кутузова. Сей последний был назначен главнокомандующим за две недели до взятия Москвы и добрался до армии лишь за шесть дней до начала великого сражения, разыгравшегося близ этого города, - сражения, которое получило название Бородинского.<sup>825</sup> Я видела князя накануне его отъезда из Петербурга. Манеры этого старца исполнены изящества, а лицо – живости, несмотря на то, что за полвека, проведенных в сражениях, он не раз страдал от самых чудовищных ран и даже потерял один глаз.<sup>826</sup> Признаюсь, глядя на него, я опасалась, что ему неостанет сил бороться с наступающими на Россию молодыми и жестокими воинами, пришлецами со всех концов Европы; однако русские, будучи царедворцами в Петербурге, в армии вновь обращаются в татар; пример Суворова доказывает, что ни возраст, ни почести не способны истощить их энергию, как физическую, так и моральную. Прощаясь со славным маршалом Кутузовым, я испытала сильное волнение; я не знала, кого обнимаю: победителя или мученика, но я видела, что он понимает величие дела, на него возложенного.<sup>827</sup> Ему предстояло защитить или, вернее сказать, восстановить все добродетели, какими человек обязан христианской религии, все достоинство, каким наделил его Господь, всю независимость, какую дарует ему природа; предстояло вырвать эти сокровища из когтей одного-единственного человека, ибо французы ничуть не больше виноваты в преступлениях его армии, чем немцы или итальянцы, воевавшие на его стороне. Колдовская сила адской злобы покорила землю его власти. Провидению угодно было показать людям, во что превращаются все они, и утнетатели, и утнетенные, презрев религию. <...>